

ЮРИЙ
ИВАНОВИЧ

НЕВМЕНЯЕМЫЙ
СКИТАЛЕЦ

Невменяемый колдун

Юрий Иванович

Невменяемый скиталец

«ЭКСМО»

2009

Иванович Ю.

Невменяемый скиталец / Ю. Иванович — «Эксмо»,
2009 — (Невменяемый колдун)

Война закончилась. Кремниевая Орда как следует проучена. Во всяком случае, ордынские элитные боевые части навечно погребены в каменной ловушке. Да и смертоносное Детище Древних ржавеет в реке. Вернее – то, что от него осталось. Но победителям от этого не легче. Ведь уничтоживший титаническую машину колдун прожарился до углей, и останки его были унесены драконами. И ведь не простой колдун, а сам Кремон Невменяемый пал смертью храбрых. Осталось только похоронить. Как и полагается – со всеми почестями, достойными Героя, в присутствии безутешных родственников, коронованных особ и скорбящего народа... Да вот только есть одна проблема. Спасенные верными Эль-Митоланами останки не имеют никакого отношения к Невменяемому Колдуну...

© Иванович Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Глава седьмая	44
Глава восьмая	52
Глава девятая	57
Глава десятая	62
Глава одиннадцатая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий Иванович

Невменяемый скиталец

Пролог

Хозяин каравана с каждой минутой все больше чувствовал, как его подчиненные и охрана изнемогают от неимоверного желания расслабиться, сбросить с себя хотя бы часть рыцарских облачений. Но железная дисциплина и крутой нрав купца Эндрю Пиюса только и позволяли с надеждой поглядывать на его центральную повозку. Разве что шесть Эль-Митоланов, ведущие магическое прикрытие, позволили презрением и ухмылочками показать недовольствие такой излишней перестраховкой со стороны нанимателя.

Но Эндрю плевать хотел на своих подчиненных. Да и на колдунов – тоже. Раз он платит, значит, и музыку заказывает. Тем более что имел очень веские основания для осторожности. Последние разбойничьи нападения на подобные караваны взбудоражили всю Менсалолию от края до края, а совместно со слухами о пиратском беспределе на морях смогли довести до паники любого купца. Любого, но только не знаменитый торговый дом братьев Пиюсов. Прожженные торговцы, спекулянты и перекупщики, четверо знаменитых братьев создали в этой благодатной стране внушительную сеть своих представительств, торговых лабазов и охранных ведомств. И в данное беспокойное время очень хорошо пользовались своей силой, дисциплиной да отменной организацией. Пока другие купцы осторожно выжидали после первых потерь или вообще прикрыли крупные торговые операции, Пиюсы на зависть остальным успешно проводили любые сделки по продаже, доставке, снимая на возникшем дефиците самую густую и наваристую пенку.

«А сейчас тем более своего не упустим!» – обрадовался мысленно Эндрю, с успокоением рассматривая раскинувшееся далеко вперед и в стороны Сухое Плато. Затем встал на облучок своей повозки и поверх полотняного тента в последний раз глянул назад, на удаляющиеся в предполуденной дымке жары Игольчатые горы, самый опасный участок пройденного пути. Именно там больше всего и было совершено нападений на караваны, продвигающиеся к Долине Развлечений. Или, как ее чаще называли, Долине Гладиаторов. Причем неизвестные грабители нападали не на простых и более богатых путешественников, а именно на вот такие обозы, везущие на продажу малолетних рабов. Куда разбойники потом девали этот товар – оставалось до сих пор невыясненной загадкой. Хотя братья Пиюсы подозревали в двойственной игре не кого иного, как Хозяев Долины. Скорей всего те сами решили поживиться на отборе живого мяса и таким образом покрыть собственные многочисленные убытки.

До Игольчатых гор теперь простиралась ровная степь на несколько километров, и хозяин каравана решил дать отдых своим людям. Все равно никто не успеет нанести неожиданный удар из замаскировавшейся среди валунов засады раньше, чем опять охранники взведут все многочисленные арбалеты. Одинокие подводы крестьян, да группки по три-четыре человека нищих, бредущих к самому богатому и сказочному месту Менсалолии, можно было игнорировать полностью. Теперь целый день предстоит пересекать Сухое Плато в полной безопасности, а к вечеру на том краю голого пространства караван встретит самый младший брат купеческого квартета со своим воинским отрядом. А там останется несколько часов пути – и кошельки Пиюсов пополнятся золотыми монетами в Долине Развлечений.

Эндрю грузно уселся рядом с возницей и громко скомандовал:

– Вольно! Можно отдыхать! – Но команда касалась не всех. Жестом позвав к себе начальника охраны, купец добавил: – Двоих смотрящих отправь на несколько километров вперед,

пусть посматривают в пределах видимости, да по одному дозорному выдели на дальние фланги, вдруг чего да отыщут.

Начальник охраны только устало прикрыл в ответ глаза и повернул своего похаса в голову колонны.

Тогда как едущие совсем рядом, по бокам повозки Эль-Митоланы, державшие до этого общую защиту каравана, прямо на ходу накинули уздечки своих похасов на рогатины каркаса и скользнули под тент, со стонами вытягиваясь в спасительной тени.

– Уф! У меня только пара капель сил осталась, – пожаловался один, а второй, явно старший, с солидными замашками ветерана, ему вторил, в упор глядя в спину своего нанимателя:

– У меня и того меньше! Наверное, Эндрю нас уморить решил...

Прежде чем отреагировать, купец Пиус рассмотрел, как точно такие же действия совершили и две пары остальных колдунов сопровождения, спрятавшись в головной и замыкающей повозках. Затем аккуратно разрядил все три собственных, богато украшенных арбалета, находившихся возле него на передке козел. Напоследок проследил за подобными движениями по разрядке основного оружия ездовых и охраны и только потом повернулся в сторону Эль-Митоланов:

– Зато теперь можете спать с чистой совестью до самого вечера, дальше ехать – сплошное удовольствие! – При последних словах он вульгарно оскалился, дергая подбородком в торцевую часть повозки, где, сжавшись в единую кучку, сидело шесть девочек примерно девятилетнего возраста. – А для восстановления сил рекомендую массаж, малышки постараются.

Один из колдунов, который за свою долгую жизнь чего только не насмотрелся, в ответ лишь с полным равнодушием стал удобней пристраивать свое тело среди тюков. Тогда как второй, явно молодой и неопытный, приподнял голову и рассмотрел детей с некоторым интересом:

– Ха! Какой с них толк? До сих пор удивляюсь, почему в Долине Гладиаторов за них так много платят?

– О! Ты просто едешь туда первый раз и ничего из тамошних удовольствий не видел, – чувствовалось, что настроение у Эндрю Пиуса преотличное, и он, расслабившись в спокойной обстановке, не прочь поболтать: – Вот когда полюбишься на то, что с ними творят через годы тренировок, только тогда и сможешь понять всю прелесть будущего этих малышей.

Эль-Митолан с некоторой завистью посмотрел на лицо своего старшего товарища, который почти моментально заснул, но разговор продолжил. Даже на локте приподнялся, придвигаясь как можно ближе к купцу:

– Ну ладно, там мальчишки еще... А с этих худышек, какие гладиаторы?

– Конечно, вначале они только и пригодны, что кур пасти. Но постепенно все больше и больше превращаются в настоящих бестий. К тринадцати годам их начинают называть Юные Кобры. И они вполне могут справиться со взрослым воином, прошедшим пятилетний срок службы. Да ты не смейся! – презрительно хмыкнул купец, заметив, что молодой колдун скривился с таким недоверием, словно после кислого, испорченного манската. – Послезавтра сам увидишь! Если, конечно, денег за вход на представление не пожалеешь... Потом, еще через два года оставшиеся в живых, как правило, достигают статуса Сестры Смерти. Так те с полной привязкой к амулетам и оберегам даже с такими, как ты, Эль-Митоланами, справляются. Ну и к восемнадцатилетнему возрасту, возможно, только одна из девочек всего этого каравана станет Несущей Мрак. Их стараются больше десятка в Долине не держать, и знаешь почему?

– Почему? – глаза колдуна сверкали от какого-то вожделения и напряжения. Казалось, что пересказ таких деталей его не просто увлекает, но и возбуждает.

– Да потому, что для их постоянной, круглосуточной охраны в заточениях требуется сразу несколько таких парней, как ты. Как минимум! А ведь еще охране меняться приходится с другими сменами. Вот поэтому Несущих Мрак и сводят между собой в самых зрелищных, праздничных и невероятно дорого стоящих поединках. Из зрителей туда попадает только

Элита нашей Менсалонии, да гости из Княжеств и всего остального Мира Тройной Радуги. И удаётся такое представление увидеть только пару-тройку раз в году.

– А ты там был?

Торговцу льстил тот яростный огонь зависти, который теперь горел в глазах молодого колдуна, и он с горделивым апломбом подтвердил:

– И не раз! И хочу тебе подтвердить: денег на такое удовольствие не жалко! Оно того стоит!

– Сколько?!

– У-у! Тебе вот так, как сегодня, придется целый месяц работать.

– Однако!.. Издевательство над простыми колдунами, не иначе...

– Но есть еще и другая возможность, – хитро заулыбался Эндрю, заметив, как омрачилось лицо его временного работника. – Дело в том, что я с собой, как правило, беру четыре человека личной свиты, потому как у нас с братьями своя огромная ложа. Места всем хватает. И тебе только и надо, что подписать со мной постоянный контракт, да перейти на мое полное довольствие. Легко и просто! А?

Лицо неопытного Эль-Митолана выражало всю гамму усиленных размышлений, и казалось, что он вот-вот согласится, но тут как раз сбоку послышалось заунывное пение нищих. Два дряхлых старца довольно неплохими голосами выводили песню Милости, в которой просили у караванщиков только две вещи: хлеба и воды. Судя по нахождению с правой стороны от дороги, парочка шла им навстречу и явно изнемогала от жажды. Но ни с одной повозки им так ничего и не подали, распоряжения на этот счет от купца поступили самые строгие еще в начале пути.

Тогда как сам Эндрю Пиус с раздражением повернулся в сторону нищих и с презрением выкрикнул:

– И чего завываете, как голодные шейтары?! Чего вам в благословенной Долине не сиделось? Там всего вдоволь!

– Как бы не так! – с неожиданной наглостью и бесстрашием отозвался один из стариков. – Там царят только горе и рабство! В Долине Смерти все подлежит умерщвлению! – И в повышенном реве к нему вдруг присоединился и второй старикан:

– Да будет так!

Они еще вопили мощными голосами последнее слово, когда купец, заподозривший неладное, вскочил на ноги и заорал во всю мощь своих легких:

– Тревога! К оружию! – и сам подхватил лежащий в ногах круглый щит. Затем с разгорающимся бешенством выхватил меч, рассматривая, как в столбах пыли вдоль всей колонны взвились на ноги укутанные в бурнусы воины. Много, очень много воинов.

За спиной раздался какой-то хриплый скрежет и одновременный писк сразу нескольких девочек. Эндрю Пиус в праведном гневe повернулся назад, желая подогнать нерасторопных Эль-Митоланов к бою, и в последний момент увидел страшную для себя картину: колдун-ветеран лежал с кинжалом в сердце и с перерезанным горлом, а его молодой коллега завершал удар своим хостом. Причем удар пришелся прямо в лоб ошарашенного хозяина каравана. Тот мешком рухнул на козлы. После чего предатель приставил хост к горлу возницы и грозно рыкнул:

– Останавливай!

По виду возницы и так было понятно, что он намеревался сделать то же самое, но зато теперь похасы уже точно замерли как вкопанные. Замерла на месте и вся колонна, а выскочившие из-под земли разбойники быстро погасили все очаги последнего сопротивления. Самая первая и самая последняя повозка теперь чадили смрадным пламенем – там к магической охране отнеслись самым жестким образом: уничтожив ослабленных и полусонных Эль-Митоланов спаренными взрывами Флоров. Нападающие не пожалели очень редкостные в Менсалонии шарики из сжатого пуха свала, лишь бы избежать лишних потерь в своих рядах. Двое

возниц при этом тоже погибло, но зато в горящих крайних повозках больше никого не было: жадный купец берег живой «товар» больше всего остального состояния.

Те несколько человек, которые бросились к центральной повозке, были приостановлены резким окриком молодого Эль-Митолана:

– У меня все под контролем! Только вот эту жирную сволочь хорошенько свяжите, кажется, удалось его ударить хостом плащмя, – он с омерзением пнул ногой бессознательное тело купца, и то свалилось с сиденья на землю. В следующий миг два разбойника скрутили Эндрю веревками с таким усердием, что у того наверняка через полчаса начнется отмирание конечностей. Благо еще, что столько времени ждать своей участи знаменитому Пиусу не пришлось. Пока захватившие караван воины, с помощью оставшихся в живых возниц, развернули повозки в другую сторону и загасили пламя на горящих, со стороны Игольчатых гор быстро приблизился десяток всадников на отличных рысках южной масти. Все в легкой, но высокого качества броне, они сразу поспешили к тому месту, где над связанным пленником возвышался молодой колдун. Все имели на лицах плотно прилегающие кожаные маски.

Первой с коня спешила закованная в латы женская фигурка и повелительным голосом спросила о самом главном:

– Как дети?

– Ни один не пострадал.

– А этот?

– Удалось взять живым. Уже пришел в себя, только притворяется, что без сознания.

– Спасибо, Натаниель, – голос женщины странно дрогнул. – Я тебе этой услуги не забуду.

– Да ладно, чего там, – явно смутился колдун, – большого труда не стоило...

И отошел в сторону, не желая присутствовать при начавшемся разговоре:

– Ну что, Эндрю, поговорим? Глазки-то открой! – женщина неожиданно и резко пнула купца носком своего сапога по коленке.

Тот застонал от боли и ненавидящим взглядом уставился на незнакомку:

– Ты за это ответишь, мразь! Да и твоим покровителям такой разбой боком вылезет! Пиусы подобного издевательства не простят!

– Да? Но и я ведь прощать не собираюсь. Помнишь, что я обещала с тобой сделать, когда поймаю? А потом и с твоими братьями повторить те же самые процедуры? – угрожающий смехок раздался из-под маски: – Или стал страдать старческим склерозом?

Глубокие складки от боли и воспоминаний покрыли окровавленный лоб пленника:

– Будь ты проклята, но твой голос мне явно знаком! Сними маску, тварь!

– Так и быть, исполню твою последнюю просьбу. – Женщина встала на колено и наклонилась над связанным купцом: – Но учти, этим ты свой лимит просьб исчерпал.

Затем левой рукой медленно сняла кожаное покрытие для лица. Совершенно незнакомые черты, совершенно чужие и неузнаваемые. Но вот огромные, открытые от ненависти, прожигающие насквозь глаза спутать было невозможно! Если до этого Эндрю еще пытался бравировать, даже предвидя свою гибель, то теперь он вмиг растерял на своем лице последние капли человечности. Лишь панический, звериный ужас расплескался в его расширенных глазах, а из глотки вырвался безысходный вой смертельно раненного шейтара. Одеревеневшие губы попытались преобразовать этот вой в некое подобие имени, но в следующее мгновение женский кулак, утяжеленный рыцарской перчаткой, с хрустом проломил купцу передние зубы. Превращая заодно в кровавую кашу и губы. Потом, приподнявшись, та же рука пустила в лоб пленника парализующую молнию. Тело от этого только конвульсивно дернулось и замерло.

Словно выполнив тяжкую, неприятную работу, женщина-Эль-Митолан, пошатываясь, встала, одновременно возвращая маску на свое лицо, и скомандовала:

– Проследите, чтобы не захлебнулся кровью. Пути тоже ослабьте, он еще нужен мне живым не один день. Да и не только мне: перед смертью он еще много нам чего поведает.

И, больше не оборачиваясь на окровавленное тело, повернулась к своему скакуну. Но потом, словно о чем-то вспомнив, подошла не к нему, а к центральной повозке и заглянула в середину. Труп мага-охранника уже убрали и спешно зарыли в одну из ям возле дороги. Но шесть девочек так и продолжали сидеть на прежнем месте без единого движения.

Женщина неожиданно громко сглотнула, а губы, совсем непроизвольно от хозяйки, прошептали:

– Вот так и я здесь проезжала двадцать один год назад...

Глава первая

Следственный тупик

Оба генерала издавна считались хорошими приятелями. И сейчас ехали рядом, несмотря на то, что недавний приказ Фаррати Кремниевой Орды поменял их должностями. Тот, кто раньше был заместителем, теперь стал командующим центральной армией, получив при этом приказ: прежнего командующего сместить с занимаемой должности, держать под домашним арестом, во всем разобраться, найти и подготовить виновных.

Причем, что старый, что новый командир всех стянутых к Бурагосу воинских формирований понимал: при последующих разборках не поздоровится обоим. Потому что найти виноватых в гибели Титана по сути своей возможно, но ничего спасительного не даст. Утерю Детища Древних самозванец Хафан Рьед не простит никому. И уже однозначно, что самыми первыми головами, которые слетят, станут головы высших командиров. Потому что прозевать диверсионный вражеский отряд такой силы и количества – неслыханный позор не только для военного, но и для мирного времени. Тем более при таких повышенных мерах безопасности и при такой концентрации самых отборных войск.

– Хотя какие они теперь отборные, – почти простонал нынешний командующий, останавливая своего похаса на свежееобразовавшемся обрыве и с высоты нового раскола бросая взор на копошащиеся среди обломков гор людские муравейники. – Так, погребальная команда...

Генералы со своим штабом совершали инспекционную поездку и теперь с мрачным и безысходным ужасом осматривали недавно чистое ущелье, по которому только вчера удачно проползло Детище Древних, а сегодня здесь царило настоящее кладбище. Упавшие друг на друга и столкнувшиеся горы погребли под собой, по предварительным расчетам, около десяти тысяч идущего плотным строем войска. По коварному стечению обстоятельств в число этих десяти тысяч как раз и попали самые элитные подразделения карателей и надзирателей воли. Вот коллеги и бормотали вслух время от времени терзающие их сомнения и предчувствия:

– Только за потерю трети своей центральной армии Фаррати четвертует нас всех подряд.

– А ведь и в самом Титане погиб чуть ли не весь цвет «змеиных», тоже, можно сказать, половина технической элиты нашей Орды.

– Причем самых верных как Хафану Рьеду, так и его учителю и сподвижнику Кыру Дымному. – Об этом припомнил другой генерал, ныне смещенный со своего поста: – Представляю, как этот Дымный будет бушевать...

Его приятель оглянувшись на толпящуюся в отдалении свиту своего штаба и предположил:

– Может, пронесет?..

Более опытный товарищ на такую наивность только вздохнул:

– Кого? И куда? Только на себя надеяться надо. Могли бы и спрятаться, но тогда всем нашим родственникам – позорное рабство. А если бы ты вдруг сбежал, то меня и такой явный трюк не спасет... Сам знаешь.

– Да уж, наоборот, только хуже будет: тогда всех вплоть до тысячников казнят.

– Угу... они вон и так все на нас с подозрением посматривают, выслужиться мечтают.

Хотя им ничего другого и не остается теперь...

– Ладно, что будем делать? Хоть какие-то предложения есть?

– Какие?! Хоть бы одного вшивого дракона сбили! Я уже не говорю про таги, которых тоже заметили. Но только и радости, что «заметили»! Мы даже не знаем, кто из людей был среди диверсантов: энормиане или подданные баронств. А уж про разумных боларов и мечтать не приходится: ни одной зеленючки больше суток нет в пределах видимости. Ко всему прочему, от взбунтовавшегося поселка тоже ничего, кроме пепелищ, найти не удалось. Все жители

словно сквозь землю провалились. А от штаба полка, который этот поселок вздумал атаковать, только обгоревшие до неузнаваемости трупы нашли. На кого за все эти события вину свалить?

– М-да... трудно. А что хоть свидетели говорят о последнем сражении Детища?

– Еще не знаю. Дознаватели всех подгрести, кто в живых остался, и даже полумертвых подлечили. Но общую картину сражения обещали дать не раньше сегодняшнего вечера. Все остальные силы брошены на удержание корпуса Титана на месте: ведь если течение развернет его поперек русла и начнет волочь, там вообще ничего целого во внутренностях не останется.

– Неужели и в самом деле будут доставать из трюмов вооружение?

– А как ты думал! Теперь это все для Второго Детища очень пригодится, ему теперь за двоих воевать.

– Ладно, тогда поспешим к Титану. В любом случае придется встречать Фаррати именно там. Вернее, на вон той огромной долине, где армия стала лагерем.

Генералы развернули своих похасов и отправились на восток, где на далекой излучине голубой реки торчал уродливый горб некогда непобедимого устройства.

Вблизи гордость Хафана Рьеда выглядела совсем печально и жалко. Над водой торчала лишь шестая часть огромной туши из неведомого металла, а в разверзшихся после выстрелов из литанр пробоинах плескалась вода. Все было опутано тоннами канатов: как старых, брошенных во время бегства боларами, так и новых, которые тянулись сплошным ковром к берегу и там крепились к вбитым в грунт сваям. Чуть выше, в долине ровными рядами стояли палатки уменьшившейся на треть армии, а на пологом склоне внушительного холма спешно возводился головной штаб центральной группы войск. Теперь ни о каком дальнейшем продвижении к границе не могло быть и речи. Фаррати приказал конкретно: «Ждать меня на месте гибели Титана. Буду через несколько дней».

Вначале генералы удобно расположились в большой штабной палатке вместе с несколькими старшими офицерами, и только потом новый командующий приказал прибыть к нему старшему дознавателю. Своего подчиненного оба знали хорошо, поэтому сразу поторопили прямым вопросом в лоб:

– Как все случилось?

По собранным неполным данным, получалась такая последовательность. Возле самой линии живого ограждения вдруг оказался не кто иной, как великий и знаменитый Кзыр-отшельник Гаршаг. Распорядившись тем участком оцепления сотник по прозвищу Длинный уговорил старика отойти на положенное расстояние в сторону, и тот безропотно подчинился. Но в тот момент, когда Титан достиг реки, Гаршаг вдруг неожиданно оказался опять возле своего шалаша, и, по многочисленным утверждениям, именно от него понеслась молния к горам. Уже отыскивали некие перекрученные металлические детали, которые отдаленно напоминают Лик Занваля. То есть можно смело утверждать, что мнимый Кзыр-отшельник использовал именно это страшное оружие для уничтожения отборных формирований армии.

Ну а дальнейшие действия большинство свидетелей описывают уже не так единодушно. Больше всего дознаватели склонялись верить именно тем, кто находился ближе всего к эпицентру взрывов и столбов пламени. Но как раз эти воины и пострадали больше всех: кто ослеп, кто оказался обгоревшим чуть ли не полностью. Так что в данный момент некоторые из них вообще говорить связно не могли, а многие оставались без сознания. Но, по словам выживших, получалось следующее.

Тот самый Кзыр, который прикрылся именем легендарного Гаршага, применил какое-то новое и страшное оружие, нанеся два самых сокрушительных удара по Детищу Древних. Да только и сам остался без сил и защиты. Чуть раньше к нему устремились как сам сотник «Длинный», так и несколько его десятников, но все они были уничтожены предсмертным ударом Титана. Ну или почти все, если принять во внимание тех воинов, на которых не осталось и клочка сожженной одежды и которые до сих пор не пришли в себя.

Сам же колдун, уничтоживший Детище, оказался прожарен до углей, и его останки на глазах атакующих ордынцев драконы собрали на ритуальный кусок ткани. Наверняка для того, чтобы торжественно похоронить своего героя.

Завершил свой доклад старший дознаватель неутешительным выводом:

– Ни одного пленного нашим отрядам преследования разыскать не удалось... пока.

Но его односложное добавление никого не утешило. Генералы и несколько присутствовавших старших командиров понимали: диверсионный отряд врага благополучно воспользовался своими возможностями передвижения по воздуху и теперь наверняка уже скользит над морскими просторами или дал себе заслуженную передышку в густых и труднодоступных горных лесах. Чтобы хоть как-то обозначить свои действия, новый командующий только и смог приказать:

– Продолжайте расследование! Великий Кзыр обещал прибыть очень скоро, и ему обязательно понадобится знание каждой детали трагической диверсии. Все свободны!

Затем генералы дождались, пока останутся только вдвоем, и с банальной безысходностью достали свои походные фляги с гремвином:

– Напьемся с горя?

– А что еще остается делать!

Глава вторая

Туман

Молодой дознаватель вошел в палатку полевого госпиталя первым и придержал плотный полог, с состраданием глядя, как следом за ним вошли на костылях двое раненых. На них тоже хватало бинтов на обожженных участках тела, но они хоть могли ходить, хорошо видеть и четко рассуждать. Чего нельзя было ожидать от их большинства товарищей.

– Ну вот, внимательно к нему присмотритесь, – дознаватель приподнял вуаль тонкой марли над лежащим без сознания человеком.

Лицо раненого было изуродовано настолько, что даже его насмотревшиеся на подобные кошмары за последние сутки товарищи поморщились:

– Эх, как его угораздило...

– Да, уродство на всю жизнь обеспечено.

– И кто это может быть? – дознаватель не очень вежливо оборвал соболезнования.

– А он – Кзыр? – последовал наводящий вопрос.

– Нет. В таком состоянии мы бы увидели. Такой же, как и вы, простой человек.

– Хм... судя по кончику сохранившихся тонких усиков, – стал размышлять один из раненых, – это скорее всего Банг, Даждамир или Мирхайдар.

– Да где ты там усики увидел? – удивился второй раненый, нависая над неопознанным товарищем с другой стороны. – Это просто выгоревшая полоска осталась. Мне больше кажется, что это Муроджан или Заринат. Точно! Скорей всего – Заринат.

– Ты уверен? Хотя... и в самом деле очень похож...

Дознаватель тут же стал сверять названные имена с имеющимися у него списками. Бормоча при этом вслух:

– Даждамира опознали по оплавленному фамильному медальону. Муроджана – по запекшемуся на голове шлему. Так, где у нас остальные?... Вот! Банг опознан по сапогам и оставшимся в нем ногам по колено. У этого – ноги целы, значит, это не Банг. А вот Мирхайдар опознан по оружию и большому шраму на спине. Значит... Уф! Неужели у меня все совпало?! – кажется, молодой дознаватель радовался больше всего сошедшему количеству тел с количеством пропавших без вести в его списках: – Скорей всего это действительно Заринат. Тогда та кучка останков принадлежит вашему сотнику «Длинному»! Не иначе, как он слишком близко подошел к врагу, и его разорвало в клочья. Да, ведь так и утверждали многие...

Неожиданно пребывающий в коме раненый судорожно задергался, застонал и с дрожью приподнял свои красные от ожогов, без единой реснички веки. Безумным взглядом бежал склонившихся над ним людей и выдавил из глотки хриплые, трудно различимые слова:

– Туман, кругом один туман... Я умер?

Оба товарища еще ближе склонились над изголовьем, наперебой восклицая:

– Заринат! Ты очнулся?

– Как ты? Нас узнаешь? Заринат, отвечай!

– Эй, Заринат! Это мы: Вазир и Шавкат!

– Ну, дружище! Присмотрись лучше!

Но раненый весь трясся непонятной дрожью и в ответ только и сумел выдавить непослушными губами:

– Кто... я?

– Заринат, неужели ты забыл свое имя?

– Вспомни, Заринат, и постарайся не умирать!

Чуть раньше в палатку вошел бледный от недосыпания Кзыр из врачебного корпуса и как только осознал происходящее, гневно зашипел на тройку посетителей:

– Вон отсюда! Ему не то чтобы двигаться, ему потеть вредно! Я его час назад с таким трудом усыпил, а вы!

– Все, уважаемый! Уходим, не кричите, – дознаватель опять придержал полог палатки, помогая выйти раненым на костылях, и, уже выходя, бросил напоследок через плечо: – Можете записать его имя и звание: Заринат, десятник второй сотни.

Тогда как врач опять магическим прикосновением вводил тяжело раненного и практически полностью обожженного человека в оздоровительный сон.

В последующие несколько дней врачи и медсестры уделяли больному очень много внимания, но с каждым разом все больше и больше убеждались в неутешном диагнозе: мало того что десятник останется на всю жизнь с неприятными уродливыми шрамами по всему телу, так он еще вряд ли вернет себе утерянный рассудок. Заринат превратился в ничего не понимающее растение, которое только после каждого пробуждения задавало одни и те же вопросы:

– Почему такой густой туман? Кто я?

Дело, конечно, очень неприятное для лечащих врачей, но на фоне еще двух десятков подобных умалишенных, которые выжили после гибели Титана, судьба десятника мало кого волновала. Всех гораздо больше интриговало приближение к этому месту великого Кзыра, Фаррати Кремниевой Орды Хафана Рьеда.

Почти все воины и обслуживающий персонал армии центра с неприятным предчувствием и тоскливым трепетом ожидали массовых казней виновных в поражении командиров. Но многие больше переживали за собственные судьбы. Поговаривали, что отныне Фаррати будет гнать собственную армию далеко впереди Второго Детища Древних, уничтожая убийственными жерлами не только врагов, но и всех, кто хоть на метр отступится в сторону от острия атаки. Откуда взялись такие панические слухи, разобраться не могли даже всезнающие дознаватели, но и они в данном случае не отличались особым рвением, а очень жалели, что не смогли открутиться в свое время от службы в армии.

В итоге к моменту прихода Второго возле Бурагоса создалась уникальная обстановка. Огромная, но полностью деморализованная страхом армия теперь мечтала только об одном: как можно быстрее разбежаться по домам. Самозванца все дружно стали не только опасаться, не любить или отрицать как правителя, но и ненавидеть со всей безысходностью людей, не желающих больше воевать.

А потом произошло великое чудо, которое простые ордынцы восприняли не иначе как гнев Древних.

Началось все с того часа, когда иной колоссальный объект приблизился к месту событий. Второй летающий монстр из металла легко и на большой скорости преодолел Шейтаровую Балку, спустился к реке, игнорируя выстроенные в долине для встречи войска, и сразу завис над телом погибшего собрата, сиротливо мокнущего в речных водах. Все, кто находился в пределах видимости, уставились расширенными глазами на начавшееся действие. Даже персонал госпиталя высыпал вместе с выздоравливающими ранеными на склоны холма. Тем более что зрелище могло заворожить кого угодно.

С верхнего Детища вниз протянулись толстые, светящиеся молнии и словно чуткие щупальца принялись скользить по выступающей над водой поверхности. Создавалось впечатление, что врач ощупывает тяжелообольного человека.

А потом донесся гром с небес. И три светящихся гигантских шара, летящих друг за дружкой, ударили прямо по центру корпуса Второго. Первый удар защита отразила. Зато второй посланец небес ужасным взрывом разворотил воронку в корпусе непобедимого Детища диаметром в двадцать метров, а взорвавшийся внутри третий шар расколол железного монстра на две половинки. Причем каждая из половинок не сразу рухнула в воду, а продолжала еще корот-

кое время висеть в воздухе, озаряясь взрывами из собственных внутренностей. Затем пылающие останки рухнули вниз, окончательно сминая выступающие борта Титана. После недолгого покачивания от бушующих внутри сотрясений обе половинки накренились и рухнули ближе к берегу. Но так деформировались при этом, что через час уже почти не возвышались над поверхностью реки.

С борта Второго не спасся никто. На берег даже не выкинуло ни одного трупа. Словно и не было совсем недавно ни Великого Кзыра, ни его учителя Дымного, ни их многочисленных ставленников и единомышленников.

Первыми на берегу опомнились те самые генералы-приятели. Коротко посоветовавшись, они с помощью армейских Кзыров передали всей армии свой последний приказ усиленным голосом:

– Война отменяется. Все отправляются по домам. Желаящие продолжить службу Орде добровольно собираются в отряды и передислоцируются к Бурагосу или в Куринагол. Благодарим за службу нашему Отечеству!

После чего генералы первыми затянули торжественный гимн Кремниевой Орды. И не нашлось даже единственного человека, который бы их не поддержал во время пения. Ну, если не считать обитателей походного госпиталя, продолжающих оставаться в коме или полностью лишившихся разума.

К последним как раз и относился бывший десятник Заринат. Проснувшись в одиночестве, он приподнял свои шелушащиеся веки и задал привычный набор вопросов:

– Почему такой густой туман? Кто я? – потом долго прислушивался и добавил: – Что за праздник? Почему поют?

Но так и не дождавшись ответа, дисциплинированно закрыл глаза и опять привычно заснул.

Глава третья

На обочине

Когда большие люди решают будущее всей страны, чаще всего отдельные судьбы маленьких людей вообще не принимаются во внимание. Потому что заметить эти небольшие пылинки в суматохе, вращении несчетного количества шестеренок, передач и маховиков практически невозможно. Машина государства обязана двигаться всегда, иначе тому самому государству наступает полный крах.

Так и случилось в Кремниевой Орде. Само перечисление рухнувших на государство изменений не уместилось в масштабе понимания любого разумного существа. Список можно было продолжать до бесконечности. Смерть самозванца, неожиданно появившийся на троне новый Фаррати, загадочный самороспуск огромной части всей армии, резкая смена всех приоритетов, как во внутренней жизни, так и на внешних политических направлениях, новые договоры с другими государствами, толпы хлынувших в Орду иностранных представительств во главе со своими венценосными правителями, шумное официальное бракосочетание правителя Ваена Герка и графини из Энормии, жуткая неразбериха в хозяйстве, тотальные изменения в командовании войск, назначение первым советником мало кому до того времени известного Каламина Зейка...

И многое, многое другое. В таком круговороте событий забывали о целых поселках, а то и городах.

Именно поэтому, при окончательном закрытии полевого госпиталя возле Бурагоса, перед несколькими оставшимися на своих постах медсестрами встала куча неразрешимых житейских проблем. Основная из которых оказалась одна: куда девать троих так и не пришедших в полное сознание пострадавших воинов. Если остальных больных и увечных как-то незаметно разобрали прибывшие родственники или сердобольные лучшие товарищи, то эти трое оказались практически бесхозными. Ничего не оставалось делать, как отправить их в дом престарелых воинов в Бурагосе.

Но тут в последний момент один из полностью подлечившихся и готовящихся отправиться на родину пострадавших пациентов обратился к старшей сестре с просьбой:

– Давайте я возьму десятника в свою семью? Она у меня большая и дружная, все работающие, так что и боевого товарища прокормлю. Жалко мне его, бедняга без семьи долго не протянет.

Одурманенная делами по закрытию госпиталя женщина более внимательно присмотрелась к просителю. Молодой, основные ожоги скрыты под одеждой, а несколько небольших, оставшихся на лице, не слишком-то его и испортили. Наоборот, расположились так удачно и без уродства, что вызывали некоторую симпатию. Именно по этим шрамам пациента опознали:

– Уракбай, а ты хорошо знал десятника?

– Конечно, мы ведь в одной сотне были и довольно неплохо друг с другом ладили. Да и тут я его часто проводывал. В последние дни я даже лично помогал его прикармливать.

Никого больше из сослуживцев и близко не было, поэтому проверить подобные слова старшая медсестра не могла, но хоть как-то попыталась выяснить степень знакомства между молодым, двадцатидвухлетним парнем и намного старшим ветераном, которому уже, судя по документам, шел пятый десяток. Она кликнула пробегавшую мимо помощницу и переспросила про обоих пациентов. Та тоже мыслями уже находилась далеко от этих мест, поэтому только и удосужилась припомнить:

– Ну да, Уракбай часто посещает Зарината. Тот вроде его чуть узнает и даже слушается немного.

Эта пара предложений и решила судьбу покалеченного ожогами десятника:

– Ладно, тогда бери его под свою опеку. Сейчас выпишем на тебя все сопроводительные документы.

Вот так на следующий день и появилась на дороге, ведущей к югу, парочка путников в привычном для всех ордынцев воинском обмундировании. Только теперь на одежде отсутствовали знаки отличия и нашивки принадлежности к определенной части. А головной убор в виде бытовой чалмы сразу говорил, что это теперь списанные из армии – гражданские люди.

При демобилизации ордынским воинам никакого казенного оружия не оставляли, хотя дополнительное оружие, которое воин покупал сам, не забиралось. Так что во время пребывания в госпитале ушлый Дельфин сумел не только сохранить свой великолепный кинжал, когда-то выигранный в камни, но и выменять или выклянчить у других раненых еще кое-какое оружие. У него теперь имелось два метательных ножа, великолепное лассо в виде шнура тончайшего плетения, несколько чугунных шариков вместе с пращей и наибольшая гордость – Живая удавка, чаще называемая Синей Смертью. Конечно, удавка ни в коей мере не являлась живым существом, а относилась к довольно периодически встречающимся в Орде артефактам убийственного назначения. Достаточно было накинуть упругий шнур синего цвета и толщиной с палец на шею любого человека, а затем соединить концы вместе, как они продолжали и дальше соединяться самостоятельно. Да с такой силой, что удушали любого человека. Перерезать подобный артефакт было очень сложно, и только удар хорошего меча мог разрубить Синюю Смерть. Разомкнуть удавку мог только тот человек, к которому она «привыкала» до того не менее двух недель. Но до конца этого срока оставалось всего несколько дней. Да и кому придет в голову нападать на демобилизованных и изуродованных ранениями бедных воинов?

Само собой, что совершенно не соображающему Заринату ничего острого и колющего не досталось. Свое оружие он наверняка растерял вместе с кусками сожженной одежды, а новым мог порезаться или и того хуже. Да и смотрел он теперь на любое железо с полнейшим равнодушием, недоумением и неосознанно.

Молодой парень шагал легко, разве что чуть прихрамывал на пострадавшую при гибели Титана ногу. По сторонам он смотрел часто и пристально, но характер любому встречному выказывал веселый, общительный и дружественный. Чуть ли не с каждым обменивался приветствиями и коротким перечнем новостей, частенько упраскивал подвезти идущие в попутном направлении повозки, да и вообще создавал о себе сразу мнение как о человеке добром и доступном всем радостям людского бытия.

Тогда как его напарник, более высокого и мощного телосложения, почти не реагировал на окружающую обстановку. Ни с кем не общался, шел только рядом со своим опекуном и частенько спотыкался о неровности на дороге. В таких местах приходилось его поддерживать под локоть, да еще и настоятельно просить посматривать под ноги. А если кто из попутчиков присматривался к уродливому мужчине более внимательно, то догадывался, что перед ним явно обделенный разумом человек, уровень развития которого можно сравнить с познаниями трехлетнего ребенка. Да и то ребенка умственно неполноценного. Настолько порой странные, совсем не присущие контексту разговора вопросы мог задать этот несчастный.

К слову сказать, заметить плохое отношение Уракбая к своему подопечному никто не смог бы и при желании. Даже наедине парень и в самом деле корпел над своим попутчиком, словно над старшим родственником или отцом. Скорей всего именно лишенный разума человек инстинктивно слушался своего сопровождающего буквально во всем, и с каждым днем это послушание становилось все более явным и беспрекословным. Чего, собственно, от него и требовалось. Ну и чего, собственно, и добивался его опекун.

Потому что никто и не догадывался об основных мотивах, которые подвигли Уракбая напроситься на опекунство. Даже его бывшие сослуживцы не знали о том, что еще полтора года назад молодой парень считался в своем родном городе Эмране одним из самых удачливых

воров, плутов и мошенников. Пользуясь своим необычайным умением втираться в доверие к любому обывателю, Уракбай проворачивал настолько удачные аферы с имуществом, землями и капиталами, что уже к девятнадцати годам стал подумывать: «Средств на безбедное существование вполне хватит. Не пора ли спрыгивать на спокойную «пенсию»?

Как всегда в таких случаях поговаривают: стубила жадность вкупе с молодецкой бесшабашностью. А может, и завидующие успеху коллеги по ремеслу помогли? Как бы там ни было, но последнее дело оказалось подставой, и удачливый вор, аферист и кутила, что называется, «погорел». Оказавшемуся за решеткой преступнику грозила смертная казнь, если бы не строжайшее повеление тогдашнего Фаррати о создании усиленной, мощной армии. Нельзя сказать, что новобранцев баловали в учебных частях, жертв и там хватало словно во время войны, но, по крайней мере, это был шанс отвертеться от виселицы, и ушлый аферист по громкой кличке Дельфин без раздумий протянул руку сквозь решетку и подписал контракт у вербовщика.

Издевательства и учебную муштру он выдержал с честью, а потому и попал с неплохими рекомендациями в группу армии Центр. Уже там о его прошлом никто не вспоминал, а после ранения в памятной трагедии так вообще перед отпуском на «гражданку» присвоили мелкое звание и выдали довольно ценную аттестационную карточку. По ней демобилизованный воин, как пострадавший герой исторического сражения, имел право питаться чуть ли не до самой своей смерти при любом крупном госпитале любого города.

Точно такой же аттестат у него теперь имелся и на недавнего десятника Зарината. Но не из-за лишнего пайка все это делалось. Будучи вхожим во все сферы преступного мира своего города, Дельфин прекрасно знал о той громадной выручке, которую собирают на главной площади города вот именно такие, изуродованные страшными ожогами нищие. В портовых городах подобные «страшили» ценились на вес золота, а если еще попутно могли выполнять некоторые поручения и мелкие задания по преступным делишкам, то им тогда вообще цены не было. Так что место для бравого в прошлом, но теперь совершенно беспомощного и ничего не соображающего десятника уже определилось заранее: центральная площадь портового города Эмран.

Немного печальная участь, но если сравнить с тусклой и безрадостной жизнью в доме престарелых – то нищенствовать под синим небом и обитать возле просторов теплого благодатного моря – намного предпочтительнее. Так, по крайней мере, уверенно размышлял и сам опекун, любивший жизнь во всех ее проявлениях и не терпевший существования в замкнутом помещении. То есть, даже принимая во внимание все его корыстные расчеты по поводу своего боевого товарища, Уракбай искренне считал себя настоящим благодетелем, верным приятелем и защитником боевого побратима. Хотя уже сразу в дороге довольно неплохо умудрялся зарабатывать.

Для этого он использовал во встречах людей самые чувствительные струны, называемые «любопытство». Везде, где только парочка путников ни останавливалась, пройдошный Дельфин собирал вокруг себя группу благодарных, скорей даже восторженных слушателей, желающих лично услышать от прямых свидетелей историю гибели обоих Детищ Древних и живописания о сгорающих в пламени взрывов телах самозванца Хафана Рьета и его приспешников. Огромное количество вернувшихся домой после роспуска армии мужчин вообще не могли похвастаться особыми боевыми заслугами. А уж те, кто собственными глазами мог наблюдать за переломным историческим моментом в судьбе государства, вообще пользовались всемерным уважением и бешеной популярностью. А уж тем более те, кто чудом выжил после страшных ранений. Ко всему прочему рассказчик обладал несомненной харизмой загадочного пророка вкупе с талантами тонко чувствующего настроение толпы оратора. И в результате этого сумел обогатиться там, где другие бы на его месте довольствовались скучной рутинной дальнего путешествия. Причем не просто заработать на хлеб с водой да на прочие мелочи, а на средства передвижения, богатую одежду и все сопутствующие знатым людям аксессуары.

Но увы, при этом Уракбай, сам того не желая, косвенно изменил свою судьбу в нежелательную сторону.

Началось все с того, что уже на пятый день пути они собирали настолько огромные толпы слушателей, что меланхолично обходящий людей Заринат возвращался к опекуну, как правило, с полным котелком мелочи, среди которой попадались порой и серебряные монетки. Рассказчик умел донести словами всю трагедию и величие уничтожения громадных Титанов, а под конец так тонко растревожить в сердцах жалость к несчастному товарищу, что многие не скардничали пожертвовать уроду последние медяки из пустого кошелька.

Следующие пять дней демобилизованные воины уже проделали на купленной повозке, запряженной вполне рабочим и выносливым похасом. Причем одежды так и оставались на них прежними, дабы не выходить из образа и соответствовать созданной легенде. Теперь они двигались не спеша, чтобы слава о парочке героев их опережала, помогая сделать должную рекламу и впоследствии собрать еще больше жертвований.

На десятый день своего «артистического турне» они не спеша достигли реки Базла, и Уракбай принял решение продолжить дальнейшее путешествие по реке. В устье Базлы находился еще более крупный порт Экан, так сказать, побратим Эмрана, в котором Дельфин намеревался возобновить, если удастся, свои старые связи в преступном мире. А уже потом продолжить путь на восток к родному Эмрану сухопутным или морским путем. Причем руководствовался выбором более окружной дороги тем, что более богатые речные поселки и городки будут встречаться гораздо чаще, следовательно, и прибыль окажется намного внушительнее. Так оно и получилось. Повозку с похасом продали, купили вполне приличную фелюгу, наняли одного матроса и начали неспешно сплавляться. При этом предприимчивый и расторопный Уракбай еще и пассажиров умудрялся подвозить порой в попутном направлении.

Питались они в пути как на убой, а для поддержания спортивной формы капитан выдумал для своего подопечного новую игру. В местах, где глубокие воды реки текли почти незаметно, он становился на борт и приказывал:

– Пора купаться!

Пожалуй, это были самые радостные моменты для бывшего десятника. Он в боевом режиме скидывал с себя все одежды и по команде «прыгай!» бесстрашно сигал в речку. Причем у него еще и осознание слова «нырять» срабатывало. Да не просто нырять он пытался, а просидеть без воздуха как можно дольше, выказывая истинный дух спортивного соревнования. Несколько раз самоназванный капитан даже перепугался за сослуживца, когда тот находился под водой неприемлемо долго.

То есть во время плавания они развлекались вначале довольно-таки однообразно.

Зато как их горячо встречали почти в каждом поселке благодарные слушатели! Да и было на что посмотреть: истинный театр одного актера. Дельфин однозначно оправдывал свое прозвище: пел, танцевал, декламировал воинские оды, пересказывал анекдоты, вовремя показывал самым недоверчивым выданные в госпитале документы, вещал, пророчествовал и с дикими, расширенными глазами описывал последние взрывы так неожиданно закончившейся войны. А потом шепотом, неслышным зрителям, отправлял изуродованного Зарината в путь за жертвованиями. Пока боевой товарищ обходил ряды застывших людей, опекун зывал к благодати и сочувствию, щедрости и состраданию. Теперь бывший десятник выходил на «промысел» с большим мешком и в больших городках возвращался к помосту, сгибаясь под тяжестью жертвований.

Дела шли преотлично, Уракбай находился на седьмом небе от счастья, восхваляя свою предусмотрительность и здравый смысл. Но, тем не менее, продолжал очень настойчиво изучать своего спутника, опасаясь неожиданного выздоровления. Зря опасался, изуродованный ветеран так и оставался невменяемым. Хотя время от времени и заставлял надолго задуматься над своими поступками или высказываниями.

Очень интересный случай произошел в одном из мелких поселков. Как раз шло интенсивное выступление перед собравшимися крестьянами, пастухами скотниками, когда прямо на площадь стали пикировать с неба четыре дракона. Небольшие группки крылатых разумных уже несколько дней барражировали над всей Ордой, пользуясь специальным разрешением нового Фаррати. То ли что-то искали, то ли уже интенсивно подрабатывали в качестве скоростных курьеров, но в общей своей массе ордынцы встречали летающий легендарный ужас с некоторым опасением и страхом. А в данном поселке вообще наверняка увидели крылатых пиратов впервые в своей жизни. Поэтому после нескольких заполошных воплей народ бросился враспынную, прячась в ближайших подворьях и прижимаясь к стенам зданий. Даже Уракбай, поддавшись общей панике, вызванной и очень похожим на атаку снижением, тоже непроизвольно прыгнул с помоста, приседая возле опорного столба. Конечно, никто из ордынцев не мог слышать, как вновь начавшие набирать высоту драконы стали переговариваться между собой:

- Совсем дикие! У таких ничего не допросишься!
- Ага! Разве что пару болтов из арбалетов с перепугу под шкуру засадят.
- Но перекусить и отдохнуть не помешало бы...
- Ничего, прямо по курсу большой город, там и подкрепимся!

Все это время на месте оставался только изуродованный ветеран, который с каким-то детским восторгом смотрел неотрывно вслед воздушным пиратам.

Первым опомнился и выскочил на помост Дельфин. Картинно расставив руки в сторону, он громким, отработанным голосом продолжил повествование:

– Вот именно так и атаквали эти демоны смерти первое Детище Древних! Вначале применили ужасное оружие, пробивающее стальные плиты двухметровой толщины, а потом заливая покореженные внутренности своей неугасимой горючей смесью! Пылало все! А сталь плавилась, словно воск, своим шипением заглушая крики Кзыров, заживо сгорающих в утробе Титана. Кровь «змеиных» вздымалась к нему красным паром, а воды Варши еще долго чернели несмываемой гарью.

Голос рассказчика, бессовестно перевирающего и утрирующего некоторые детали, печально стихал:

– Сотни наших товарищей остались обугленными после этого боя... А сами драконы, вместе с гигантскими болами, подхватив людей и таги, с такой же точно скоростью устремились на юго-восток...

Слушатели, опять неслышно шагая, собрались на площади. А какой-то особенно бойкий пастух обратил всеобщее внимание на застывшего на помосте урода:

- А твой товарищ чего так радуется, на них глядя?

Дельфин решил подыграть общему любопытству, используя свое влияние на невменяемого ветерана. Подошел к нему, положил руки на плечи и терпеливым, спокойным голосом стал спрашивать:

– Заринат, ты рассмотрел драконов? Ты узнал драконов? Почему ты на них так долго смотришь?

И вот тогда покалеченный воин ответил тихо, но в замершей толпе слышали каждое его слово:

– Драконы? Да, это драконы! И они прекрасны! И потом... драконы очень добрые, сильные и... – он весь напрягся, силясь что-то вспомнить, и, наконец, выдал: – ...и счастливые!

Уракбай и тут сообразил, как использовать непонятные откровения для собственного блага:

– Как вы слышали, даже мой несчастный друг осознал, что драконы отныне наши союзники! Во время нашего пути он не раз слышал указ Фаррати и каждый раз теперь замирает с таким блаженством, глядя вслед покорителям воздушного океана. Это значит, что его чув-

ствительная душа и в самом деле больше не ощущает угрозы с небес. Да будет мир на наших благословенных землях!

Все слушатели дружно, с экстазом повторили пожелание оратора. Никто при этом даже не заподозрил, что опекун скомандовал громким шепотом своему подопечному: «Собирай подарки в мешок!» И тут же продолжил восклицать с прежней силой:

– Да будет обильным ваш стол, а ваш дом ломится от богатства! Да не оскудеет рука дающего! Пусть останется у каждого из вас всегда в сердце толика щедрости и сочувствия! Пусть крепнет ваш род и славится эта земля!

Монетки, перемежающиеся порой натуральными продуктами, так и сыпались в мешок, Дельфин с благодатной улыбкой на устах, тем не менее, с озабоченностью думал совершенно о другом:

«Чего это он так драконов восхвалять начал? Я сам как их вижу, вздрагиваю непроизвольно. Многие в госпитале так и умерли, в бреду выкрикивая только одно слово: «Драконы!!!» Неужели и в самом деле на него блажь какая накатила? Надо будет в каюте с ним на эту тему подробней пообщаться. Должна ведь быть какая-то причина!»

Уже позже, переплывая на фелюге к следующему населенному пункту, молодой опекун более часа размеренно выпрашивал у своего сослуживца о мотивах такого странного отношения к драконам. Но ничего, кроме настойчивого утверждения: «Они добрые и сильные!», не услышал. Тогда он в некотором раздражении воскликнул:

– Такое впечатление, что тебе довелось с ними общаться. Когда это было? Припомни свои разговоры с драконами. Ну? Помнишь?

Некоторое время бывший десятник морщил лоб и честным, детским взглядом смотрел на своего опекуна. А потом признался:

– Не помню. Но мне кажется, что я когда-то был драконом и умею летать...

Уракбай протяжно и сочувственно вздохнул, осознавая всю глубину полного сумасшествия сослуживца, и затем терпеливо, в течение получаса твердил одну и ту же фразу:

– Нельзя никогда и никому, кроме меня, рассказывать, что ты был драконом!

Не хватало еще только наткнуться на родственников погибших при трагедии, а еще хуже – на самих воинов, выживших после тяжких ранений. Те могут взбелениться при таком утверждении, не посмотреть на то, что перед ними ущербный сослуживец-инвалид, и не сдержаться от неконтролируемой мести. А что разбушевавшемуся ветерану заколоть мужчину, который сознанием не старше трехлетнего ребенка? Так что следить за безопасностью своего попутчика следовало непрестанно.

Но и тут вдруг выяснилось несколько весьма интересных моментов. В том смысле что у ничего не помнящего ветерана на подсознательном уровне все-таки остались уникальные боевые навыки.

Однажды Уракбай пришвартовал их импровизированный, переоборудованный из рыбацкой фелюги и постоянно модернизируемый кораблик к пристани маленького городка и поспешил на берег. Предстояло выяснить место и время предполагаемого выступления. Тогда как присматривать за инвалидом и казной остались матросы. Старый по прозвищу Крюк, проверенный недель плавания, и новый по имени Жоаким, нанятый накануне. Как оказалось, новичок втерся в доверие к Дельфину с далеко идущими планами, но это стало ясно только после того, как со стороны реки к борту фелюги причалила лодка с тремя гребцами бандитской наружности. Совершенно не обращая внимания на сидящего на носу судна изуродованного Зарината, нападающие набросились на верного матроса, пытаясь его оглушить, а то и убить. Их кривые ножи так и замелькали в воздухе. Несмотря на некую subtilность и внешнюю ленивость. Крюк оказался отменным драчуном, но справиться сразу с четырьмя противниками и не надеялся с самого начала. Поэтому, ожесточенно отмахиваясь подвернувшимся под руку бугшпритом, он стал орать диким голосом, призывая на помощь кого угодно. К сожалению, пирс в

это время обезлюдел полностью, чем и собирались воспользоваться бандиты. Но на отчаянный крик неожиданно отозвался бывший десятник. С раздраженным мычанием он вдруг набросился на злоумышленников с тыла и сказал решающее слово в скоротекущем сражении.

Когда Дельфин вернулся из города, то с выпученными глазами обозрел полный раскардаш на верхней палубе, равнодушно восседающего на прежнем месте сослуживца и суемящегося с бинтами Крюка. Матрос к тому времени перевязал легкий порез на руке своего спасителя и останавливал кровь на своих двух ранах. Но как только увидел своего работодателя, разразился такой восторженной речью, что даже признанный оратор заслушался:

– Что здесь было! Настоящее побоище! Оказывается, этот новичок поджидал своих подельников, а как только ты отправился в город, явно подал им условный сигнал. Потом они все четверо бросились на меня, намереваясь прикончить, и мне только чудом удалось сразу не пасть под их ударами. Орал я от страха, честно признаюсь, во всю мощь своих легких. И уже выдохся, прощаясь с жизнью, когда вдруг наш Заринат вмешался. Да как! С бешеным рычанием просто сминал, ломал ручищами этих бандитов и выкидывал за борт! Бесподобно у него получалось! Ни суда, ни дознания, ни вопросов, ни ответов! Лодка этих горе-пиратов отошла от нашего борта и стала дрейфовать по течению, но вслед за ней устремился только один! Ты представляешь: остальные не выплыли! Да и как бы они это сделали с поломанными костями? Но! Тот единственный так и не доплыл тоже: стал заваливаться на бок, да так и булькнул на глубину. Теперь все четверо кормят своими телами раков! А твой друг преспокойно вернулся на место и дальше сидит как... – теперь уже слово «истукан» показалось матросу кощунственным, и он на ходу исправился: – Как мудрец.

Оба подошли к неподвижной фигуре, и Крюк заботливо поинтересовался:

– Рука не болит? – и совсем не обиделся, что в ответ не раздалось даже единственного слова. Но вот Уракбай не на шутку разволновался. Погладив своего сослуживца по плечу, поймал его бессмысленный взгляд и ласково похвалил:

– Заринат – молодец! Заринат – очень сильный и смелый! Заринат – герой!

Некоторое время тот усиленно размышлял над услышанным, затем радостно улыбнулся:

– Заринат – сильный! Очень сильный! – и без всякого перехода нахмурился и злобно прорычал: – Жоаким – плохой! Очень плохой!

– Правильно! Молодец! Ты у меня все понимаешь! – словно заботливый отец, Дельфин обнимал бывшего десятника за плечи, поглаживал по отрастающим волосам на голове, а сам мысленно удивлялся:

«Странно, что он запомнил имя этого Жоакима. Ведь всего разок вчера я к тому обратился, да пару раз сегодня утром. Он до сих пор моего имени не запомнит и на Крюка всю неделю никак не реагирует. Но самое главное: откуда в нем столько силищи? Нет, выглядит он, конечно, в последнее время все лучше и упитанней, усиленное питание нам обоим идет на пользу, да и ростом природа не обидела. Но, насколько мне помнится, десятник Заринат никогда особо не блистал своей удалью и не отличался особой силушкой. Во всех соревнованиях и дружеских единоборствах он всегда в стороне стоял, да только посмеивался. Неужели скрывал свои умения? И никто ничего не знал? Странно... Да и ранение его основательно подпортило, ведь сколько дней, словно кукла поломанная, валялся на койке. После такого люди годами восстанавливаются, используя интенсивные тренировки. У меня так до сих пор нога болит и все мышцы сводит только при одном упоминании ожогов. А этот? Играючи и Крюка спас, и денежки, нелегким трудом заработанные. Да-а! Настоящий похас с...клыками! Ха! А если его силу и для общего дела употребить? Надо будет мозгами поразмыслить...»

Когда они спаренными с Крюком усилиями навели порядок на кораблике, взгляд интенсивно продолжающего размышлять капитана наткнулся на большую подкову для похаса. Для чего она висела среди подобных себе на внутренней стороне борта, он и понятия не имел, но

вот хвастовство некоторых знаменитых силачей припомнилось. Затем проскочила и другая шальная мысль:

«Вдруг и у него получится! Надо только правильно ему объяснить...»

Нашупав в одном из карманов заранее приготовленные и почищенные лесные орехи, которые неполноценный умом сослуживец обожал поглощать чуть ли не корзинами, Уракбай приблизился к неподвижной фигуре и уселся прямо перед ней. Затем с пыхтением и порыванием стал пытаться согнуть произведение неизвестного кузнеца. На второй минуте бывший десятник уже внимательно и заинтересованно следил за опекуном, на третьей стал посматривать на игрушку с завистью и просительно протягивать ладошку. Ну а на пятой, после десятка раз повторенного мягким голосом приказа: «Сломай подкову!», получил вожденную игрушку в свои руки. Чутко покрутил ее во все стороны, потом схватился удобнее, напрягся и... согнул толстенную подкову так, словно она сделана из прогнувшегося железа. После этого поднял горделиво голову и спросил:

– Заринат – сильный?

Ничего не оставалось ошарашенному опекуну, как настойчиво подтвердить:

– О! Ты очень, очень сильный!

И в знак поощрения скормил довольному похвалой сослуживцу все припасенные лесные орехи.

С того самого дня на своих выступлениях Дельфин добавил кусочек новой программы. В надлежащем месте он горделиво распрямлял плечи, орлиным взором окидывал собравшуюся публику и провозглашал:

– И все-таки в Кремниевой Орде рождаются самые сильные богатыри! Даже вот мой сослуживец вышел живым из всежигающего пламени благодаря только своей силе, сноровке и воинской выучке! Сейчас он забыл, с какой стороны братья за меч, и у него вылетело из головы, как запрягать похаса, но его стальные мускулы остались на месте, и он может согнуть даже вот эту большую подкову.

Из толпы, как правило, слышался недоверчивый свист, а то и презрительный смех. Более острые на язык выкрикивали:

– Так мы тебе и поверили!

На что явно смятенный недоверием оратор начинал оправдываться:

– Так ведь подкова денег стоит. Потом уже на что она сгодится...

Самые азартные слушатели покупались на такой трюк сразу:

– Если согнет – с меня десятерная стоимость подковы! – порой назывались и гораздо большие суммы.

– Ладно, вы все слышали, – пожимал плечами герой и свидетель гибели Детищ возле Бурагоса. – Готовь деньги!

Затем неспешно подходил к неподвижно и безучастно сидящему в сторонке сослуживцу, вручал ему приготовленный предмет и несколько раз просил, словно родного брата:

– Сломай подкову!

Заринат никогда не отказывал. И под восторженный говор очевидцев толстенная подкова шла по рукам, а незадачливый спорщик расставался с внушительной суммой.

Дельфин выглядел счастливым.

Бывший десятник – сытым и довольным.

И с каждым днем два путника все ближе подбирались к огромному порту Экан, расположенному на берегу Кораллового моря, в устье широкой, полноводной и прекрасной реки Базла.

Глава четвертая

Скандальные похороны героя

В этот день с самого утра вся огромная Плада, столица королевства Энормия, приготовилась к печальному событию. Флаги были приспущены, штандарты наклонены в горизонтальное положение. Почти на каждом окне виднелся нарисованный черной краской контур Занваля, с уходящими вниз тремя лучами – всеобщий государственный официальный символ скорби, тризны и печали. Ровно в полдень назначили церемонию последнего прощания с Великим Героем.

В последний раз аналогичное событие происходило во время окончания затянувшейся войны с Чингалией триста лет назад. В те далекие годы хоронили младшего принца, сына правящего в то время короля, который геройски пал в решающем сражении возле Себерецких гор. Обладающий невероятной силой и выносливостью, принц Фавелий умудрился сражаться в гуще битвы весь день, склонив личным примером чашу весов в пользу энормиан, и умер лишь к утру следующего дня от полученных многочисленных ран. Да и то, как утверждают историки, некоторые раны содержали в себе смертельный яд, занесенный в тело отравленным оружием.

Могила прославленного принца стала шестой на окружности площади Славы, которая, в свою очередь, занимала внушительный участок между общественным столичным парком и королевским ботаническим садом. Над каждой могилой в момент церемонии закупоривали наглухо внушительный постамент, где потом сверху устанавливали мраморное изваяние героя в полный рост, а за его спиной уносящуюся ввысь пятнадцатиметровую тонкую стелу. Ну а на гранях самого постаменты уже тщательно, гравировкой наносили подробный перечень всех совершенных подвигов, которые при жизни выпали на долю Героя. К данному дню все подданные королевства Энормии были уверены: места для перечисления всех подвигов – не хватит. Потому что чего только не рассказывали в последнее время о прославленном на века Кремоне Невменяемом.

Конечно, порядок в каждом обсуждении устанавливался произвольный, но начинали чаще всего с упоминания о царстве Вьюдорашей. Мол, Крмон его собственными руками откопал. Потом ко всему прочему уничтожил плохого царя, поставил на трон хорошего и открыл для всего мира Великий Путь под Каррангаррскими горами. А в Некрополе Сущего Единения устроил решающее сражение. То есть это именно он подтолкнул королевство Спегото к современному величию и богатству. Попутно при этом еще уничтожив самое огромное и хищное животное планеты Сонного Сторожа. От его руки пал и последний из шурпанов, который теперь тоже радует туристов своим забальзамированным телом на берегу озера Печали. После этого собеседники вспоминали общеизвестную историю об укрощении Топианской коровы, которую приручил и выдоил опять-таки не кто иной, как вездесущий Крмон. В связи с Гиблыми Топями упоминалось и знаменитое теперь оружие литанра, в поиске и испытании которого молодой Герой принимал чуть ли не решающее участие. Особенно красочно знатоки расписывали заслуги Невменяемого в создании крмонита, изделия из которого теперь присутствовали чуть ли не в каждом доме.

Дальнейшая часть дискуссии становилась особенно жаркой, потому что каждый обыватель Энормии имел собственную версию того, как его королевство заключило союз с Альтурскими горами. Но все сходились в одном: Невменяемый для возникновения этого союза сделал больше всех. Вплоть до того, что лично сражался с оружием в руках против бунтовщиков и сепаратистов. А до этого он успел стать послом мира в Сорфитских Долинах и наладить дипломатические отношения не только с царством Огов, где лично перезнакомился с цар-

ской семьей, будучи принят и обласкан Галиремами, но и вынудил каким-то способом злобных колабов встать на путь мирных переговоров.

Потом с некоторой задумчивостью обзоредали небосклон, тыкали пальцами на пролетающих боларов и утверждали: «Разумные растения считают Кремона Невменяемого своим патриархом и Великим Другом. Скорей всего, не зря...»

Ну а дальше обсуждение плавно переходило к эпохальному командованию над сборным легионом. Точных подробностей, конечно, люди знать не могли, но там, где не доставало фактов или логики, они смело подключали свои фантазию и догадливость. Из чего получалось, что Невменяемый ударами молний уничтожал корабли ордынской Армады чуть ли не сотнями, а коварный магический Экран над океаном прорвал собственным телом. В итоге любой рассказчик многозначительно добавлял, что и уничтожение Второго Детища – тоже дело рук Великого Героя. Хотя истинную правду о похищенной Кремоном Игле для Накопителя знало только несколько человек во всем мире.

Да и вообще, о чем только ни заходила речь, как сразу добавлялось имя знаменитого Эль-Митолана Кремона Невменяемого. И то он сделал, и се. И там побывал, и всюду успел. И то разыскал, и это спрятал. И там прославился, и тут успел. Да и на любовном фронте у Героя имелось неисчислимое количество приятных побед. Но на эту тему в общественных местах было не принято слишком назойливо судачить. Мужчины лишь с гордостью ухмылялись за своего земляка, а женщины строго поджимали губы, хоть и пытались при этом сдерживать несерьезное хихиканье. Зато в семейном кругу интимные похождения обсуждались более тщательно и подробно. И выглядели они столь неправдоподобно для молодого колдуна, геройски погибшего в самом расцвете сил, что трезво мыслящие люди вообще переставали верить подобным слухам. И по этому поводу восклицали только одно: «Ладно! Жизнь покажет, где и у кого вдруг появятся наследники Невменяемого. Вот тогда и проверим все ваши сплетни и вымыслы!»

Оставалось безмерно удивляться: откуда простой народ знал о совершенно секретных порой деталях боевых сражений или догадывался о тщательно оберегаемых тайнах высочайших, если не сказать самых высоких персон в государственных классификациях и рейтингах. Скорей всего в данном случае срабатывала древняя поговорка: «Пока о великой тайне узнает его величество, о ней успевает забыть каждая прачка».

Но как бы что ни говорили столичные жители королевства Энормия накануне, тому, кто в тот день сумел пройти на площадь Славы или оказаться в ее окрестностях, потом было о чем рассказать. И только перечисление списка почетных гостей, прибывших на похороны Героя, занимало большую часть рассказа. Конечно, с добавлениями про траурные платья, костюмы, кто как стоял, с кем говорил и как себя вел.

Первым делом описывали наивысших венценосных представителей, с которыми король Энормии Рихард Огромный восседал на специально возведенной для траурного мероприятия трибуне. К ним относились: король Сорфитских Долин, король Альтурских гор, король Чингалии, царь Подземного царства, султан Онтара, Верховный барон Баронства Стали и три Высших барона, входящих в Совет Пяти, который правил Баронством Радуги. Причем очень много историй ходило среди подданных Энормии о том, что при жизни Героя с ним успели подружиться как султан Торрелон Радужный, так и царь вьюдорашей Лилламелль Первый, который благодаря Невменяемому и взошел на трон Подземного царства. Ну а король драконов Старгел Бой Фиолетовый вообще успел побывать с Героем в одном сражении, а потом еще и наградить из собственных когтистых лап несколькими наградами.

Вторыми по значимости шли ближайшие родственники павшего Героя. Они сидели отдельной группой в свите короля драконов, но, пожалуй, именно на этих, окаменевших от горя лицах и останавливали свои взгляды остальные зрители. Мать – Ксана Ферити, отец – Фолг, второй отец – Дарел, который воспитывал Кремона с малых лет. И младший брат Стас,

со своей супругой. Все они так и не успели насладиться общением с самым родным человеком при его жизни и теперь с тоской вспоминали те короткие минуты скоротечных свиданий между сражениями. А Дарел, недавно подлеченный лучшими Эль-Митоланами столицы, вообще не мог осознать полноту новой потери. В его жизни вновь появилась много лет назад пропавшая Ксана, зато не стало единственного сына. Потому что ни Стаса, ни старого друга Фолга он так и не смог принять пока выздоравливающим сознанием.

Далее следовало обратить внимание и на тех лиц королевской крови, которые сами не носили корон, но являлись номинальными правителями, либо обязательно прочились на трон в недалеком будущем. Здесь особенной, невероятной роковой красотой выделялась наследная принцесса Спегото Элиза Майве. Да и не только красотой, у ее ног в специальной выемке, устланной мягкими шкурами, резвилось двое деток примерно десятимесячного возраста. Одна из них – дочка самой принцессы, а второй, мальчик, принадлежал первой фрейлине свиты, которая и находилась рядом с детками. Фрейлину звали Сильвия, и она всеми силами пыталась успокоить расшалившихся малюток, которые, невзирая на глубокую печаль скорбного мероприятия, расшалились как никогда. Даже их матери удивлялись тому залиvistому смеху, которым парочка карапузов заливалась при попытке самостоятельно встать на ноги или при падении на мягкие шкуры. Некоторые зрители, правда, осудительно перешептывались, но никто не попытался оспорить общеизвестную истину: Элиза Майве никогда не упускала драгоценное чадо из пределов собственной видимости. А в данном случае даже все остальные монархи, во главе с Рихардом Огромным, посматривали на деток со всепрощенческой снисходительностью.

К слову сказать, наследная принцесса Спегото выбиралась за пределы собственного государства впервые за всю обозримую историю. Ни разу еще ни правящая королева, ни дочери, объявленные прямыми наследницами престола, не ступали ногой на чужие земли. Здесь, видимо, сказались особые заслуги, которые Герой оказал как всему Спегото, так и правящей династии Майве. Ну и то, что Элиза прибыла в Пладу с самой многочисленной, надежной свитой. Специально для своего вояжа роковая красавица заблаговременно зарезервировала в городе Бонати целый пассажирский состав. Тогда как в этот крупный промышленный центр вся свита добиралась вначале по реке Гранда на корабле с магическими двигателями. Что тоже произошло впервые в истории. Потому что никогда ранее уникальный, самодвижущийся артефакт прошлых времен не покидал акватории озера Печали. А многочисленная свита понадобилась наследной принцессе, как утверждали злые языки, от страха за свою жизнь и жизнь своей дочери. Потому что количество колдунов просто поражало. Причем не простых, а самых опытных и знаменитых.

Красовался своим коричневым камзолом, сплошь усыпанным черными бриллиантами, герцог Каррангаррский Фелис Райне. Выделялся сонным видом генеральный архивариус Ламье Пугающий. Бравировал пышными аксельбантами асдижон горных егерей Бриг Лазан, которому, кстати, первая фрейлина Сильвия приходилась родной племянницей. Пожалуй, только эта двадцатилетняя девушка не обладала собственной магией. Зато все остальные разряженные вельможи из Спегото были Эль-Митоланами.

На другой стороне трибун, к правому нижнему углу, если смотреть со стороны площади, располагалась делегация Царства Огов. И ни для кого не было секретом, что именно неполный десяток Галирем является фактическими правительницами своего народа. На проводы Героя в последний путь прибыло сразу три загадочные для всего мира колдуньи-Галиремы, и среди них блистали удивительной, свежей красотой знаменитые огианки Огирия и Молли. Поговаривали, что младшая царица оставила дома годовалого ребенка и очень по этому поводу тосковала. О чем свидетельствовали частые, пробегающие по щекам Молли слезинки. Правительниц Огов хоть и не выделяли усыпанные бриллиантами короны, зато их боевая свита вызывала не меньшее уважение, чем свита наследной принцессы Спегото.

Из Кремниевой Орды правящий Фаррати не смог прибыть лично, ввиду чрезвычайных сложностей в собственном государстве. Становление новой власти прошло великолепно и уверенно, но теперь перед Ваеном Герком стояла задача как можно быстрее поднять рухнувшее на колени сельское хозяйство и возродить разваленные кустарные производства. Но зато вместо себя Фаррати отпустил на похороны молодую супругу, ее величество Мирту Миротворную. Именно таким пышным титулом теперь обладала бывшая баронесса Шиловски, боевая подруга Невменяемого, в свите которой присутствовали ее брат Алехандро и внушительный по своим габаритам Бабу Смигли.

Большой чести присутствовать на одной трибуне с королями удостоились и многие титулованные вельможи и Эль-Митоланы самой Энормии. По крайней мере Хлеби Избавляющий, Давид Сонный, престарелый господин Огюст, носивший прежде прозвище Невменяемый, и генерал Такос Однорукий выделялись компактно расположенной группой.

Белыми островками на трибуне просматривались два правителя южных княжеств со своими супругами. По их традициям, белые одежды всегда следовало надевать во время похорон.

Из Морского королевства прибыл только главнокомандующий Морскими Силами в сопровождении нескольких адмиралов. Ну и меньше всего представителей разумных присутствовало на похоронах со стороны Ледонии: только генеральный консул в Пладе. Да и этот приятно пахнувший колаб скромно примостился своей немаленькой тушей на самом дальнем верхнем углу трибун.

Ну и особым, можно сказать, привилегированным местом в этом длинном списке гостей обладали болары. На трибуне оставаться из них не пожелал никто, зато на всех остальных местах воздушного пространства и качающихся кронах деревьев они буквально превалировали. Мало того, ближайшие друзья и сподвижники Кремона, самые авторитетные и знаменитые разумные растения Спин и Караг, настояли на том, что это именно они должны пронести забальзамированные останки своего друга в последнюю дорогу и опустить в заготовленную под постаментом камеру. Никакие увещания и уговоры на эту тему не помогли. Мало того, когда Рихард Огромный попытался сослаться на вековые традиции своего королевства, знаменитые болары тут же стали горячо спорить, что им известны традиции многотысячной истории! И там говорится, что Великих Героев в последний путь всегда несли именно болары. Против таких голословных утверждений, конечно, еще долго раздавались возражения и несогласия, но летающие зеленые шары таки сумели настоять на своем. И теперь терпеливо ожидали своего выхода на скорбную церемонию.

Вначале с коротким прощальным словом выступил монарх Энормии. Тут не обошлось без большой политики и попытки использовать даже такой скорбный для разумных Мира Тройной Радуги момент для укрепления образовавшихся союзов. Рихард сжато перечислил большинство подвигов Кремона Невменяемого и сравнил его с лучами Занваля, которыми объединяют на планете все живое и вечное. Ну и возжелал, чтобы на деяния героя все равнялись во все времена.

После чего последовал траурный парад наград. Потому что иначе назвать такое событие и язык не поворачивался. Только – парад! Каждую награду через всю площадь пронесил королевский гвардеец и в конце пути возлагал на верхнюю часть постамент. Как раз туда, где впоследствии будут возвышаться мраморная фигура и иглоподобная стела. Следующий гвардеец, выдерживая интервал в четыре шага, нес очередную награду, а три глашатая, сменяя друг друга, по очереди выкрикивали название награды и за что вручена. Хотя и тут не обошлось без излишней секретности, потому что иной раз причина говорилась одна: за высочайшие воинские заслуги перед Энормией.

Первыми шли мелкие награды первого года службы и ордена соседних государств. Затем последовал длинный список регалий, которыми одарила открывателя Великого Пути королева Спегото Дарина Вторая. В какой-то момент показалось, что во всем остальном мире не оста-

лось столько знаков отличия, сколько прочитали глашатаи. Но тут как раз и пошли основные награды со стороны Рихарда Огромного. Их оказалось столько, что зрители стали опасаться полного расстройства зрения от регулярно вышагивающих гвардейцев. В итоге весь постамент оказался устеленным сплошным ковром орденов, медалей, звезд, бантов, жезлов, перевязей, знаков, кокард, погон, аксельбантов, памятных подарков и прочая, прочая, прочая...

Любой гигант только под их тяжестью рухнул бы уже через минуту. Но зато Рихард Огромный под маской печали теперь пытался скрыть заслуженную гордость за собственное королевство. И даже несколько раз многозначительно при этом посмотрел на наследную принцессу Элизу Майве. Мол, вот как мы своих Героев чествуем!

На что покусывающая от нервного расстройства губы роковая красавица вдруг дерзко улыбнулась и подхватила на руки свою дочурку. Делая это так, словно захотела приласкать собственное дите. Мало того, удерживая доченьку правой рукой, она требовательно вытянула левую в сторону своей первой фрейлины, и резко побледневшая Сильвия не посмела противоречить будущей королеве, посадила на колени принцессе и своего малыша. После этого хорошо стало заметно, как лицо Рихарда Огромного вытянулось от печали и уныния. Видимо, существовало нечто такое, о чем коронованные правители так и не смогли между собой полюбовно договориться. Потому что трудно себе представить тот факт, что великий монарх стал бы завидовать своей двоюродной племяннице из-за наличия у нее на руках такой парочки созданий младенческого возраста. Небось, у самого по всему королевству тысячи таких карапузов ходить учатся.

А детки на руках у Элизы опять расшалились. Протягивая друг другу свои пухлые ручонки, они так заливисто и заразительно смеялись, что полностью нивелировали всю тягостность ответственного траурного момента: на площади появились Спин и Караг, неся на своих корнях-щупальцах обитую черным бархатом люльку, в которой и возлежали останки Кремона Невменяемого. Под звуки несущегося с другого края площади Славы похоронного гимна болары подлетели к трибуне и медленно пронесли свою ношу вдоль рядов почетных гостей. Так планировалось заранее, чтобы каждый мог в полной мере оценить трагедию окончательной потери и в последний раз прикоснуться взглядом к Герою.

Вот тут и начались основные странности. Помимо того, что маленькие детки резвились, совсем наплевав на реалии самого ответственного момента, так еще со стороны проходов на тщательно охраняемые трибуны наметилось непредвиденное движение. Вначале один из высших воинских чинов попытался доползти до министра обороны Энормии. Потом уже сам министр обороны, кратко выслушав своего генерала, заметался на месте как подорванный и точно таким способом стал пробираться к тучному министру внутренних дел. Тормен Звездный грозно нахмурил брови на своего коллегу, но, рассмотрев выражение лица, и сам не на шутку обеспокоился. А когда, наклонившись, узнал, в чем дело, повел себя вообще бестактно по отношению к остальным почетным гостям: невзирая на свои внушительные габариты, он пробрался на два ряда выше и, никому больше не доверяя, что-то горячо зашептал в ухо его величества. После полученных новостей из Рихарда Огромного словно весь воздух выпустили, настолько он стал растерянным и нерешительным.

А тем временем болары подлетели к самой последней делегации, из Царства Огов, и совершенно неожиданно были остановлены властным окриком Галиремы Огирии. Царственная колдунья вместе с другой прекрасной огианкой без всякого стыда, не брезгуя, чуть ли не перешупали забальзамированные останки Героя, а когда Спин и Караг тронулись дальше, уселись на свои места и стали оживленно перешептываться.

Больше всего происходящими событиями остались недовольны именно болары. Такое непочтительное отношение к памяти их боевого товарища они могли простить еще несознательным малышам, но чтобы так вели себя венценосные особы! На которых сейчас взирает весь мир?! Кошунственно!

Именно это они и попытались высказать возмущенным скрипом своих корпусов, зависнув в центре площади и ожидая последнего, прощального слова всей церемонии.

Но и тут все пошло кувырком. Потому что его величество и второй человек королевства ожесточенным шепотом, укрывшись под малым пологом неслышимости, интенсивно ругались:

– Нет! Я не могу так опростоволоситься! – возражал король. – Поэтому говорить будешь ты!

– Да ты с ума сошел! – возмущался Первый Светоч. – А как я потом буду всем в глаза смотреть?! Это же крест на моей безупречной репутации и карьере!

– Все! Не юродствуй! – жестко оборвал своего министра внутренних дел Рихард Огромный. – Тебе просто по должности врать положено! Приказываю: говори! Да поворачивайся быстрее, на нас все смотрят!

Тормену Звездному ничего не оставалось, как встать с колен, повернуться лицом к затихшей площади и, прокашлявшись, проговорить магически усиленным голосом:

– Имя Кремона Невменяемого останется в наших сердцах всегда! Память о его подвигах – сохранится в истории навечно! А плоды его дерзаний – принесут радость и счастье всем разумным нашего прекрасного Мира Тройной Радуги.

Конечно, речь была не совсем в заранее оговоренную тему, да и не тем человеком сказана, кем намечалось, но расстроенные срывом всей церемонии болары уже не стали дожидаться новых неприятностей. Под вновь грянувшие звуки траурного марша они пронесли останки боевого товарища к постаменту и ловко впихнули в подготовленную погребальную камеру. Затем несколько каменщиков быстро заложили отверстие блоками на растворе и напоследок замуровали посаженной на специальный магический клей мраморной плитой, которая завершила целостность всего монумента.

С этого момента вся церемония считалась завершенной. И только два специально назначенных человека принялись аккуратно укладывать все награды Героя в коробки. Раритеты воинской, политической и общественной доблести должны были передать в руки ближайших родственников. Окружающие площадь Славы люди стали толпами рассасываться по аллеям общественного столичного парка, гвардейцы под громкими командами принялись перестраиваться в две колонны, обозначая путь для коронованных особ и почетных гостей к королевскому дворцу через ботанический сад. Тогда как интенсивная жизнь на трибуне продолжалась полным ходом.

Невзирая ни на кого и ни с кем даже не попрощавшись, делегация Царства Огов чуть ли не бегом отправилась напрямик на Западный Каретный вокзал столицы. А ведь по протоколу и Галиремы обязывались присутствовать на прощальном обеде в честь поминовения Героя. Но в продолжающейся суматохе на это никто особо не обратил внимания.

Коронованные монархи сбились в плотную кучку и теперь ожесточенно спорили, чуть не доводя дело до ругани. Все остальные гости распределялись по трибуне, соответствуя в выборе своим симпатиям или интересам. И так получилось, что возле матери Кремона Невменяемого оказалась наследная принцесса Спегото. С неуместной данному дню веселостью она смело протянула руку Ксане Ферити для знакомства:

– Рада вас лично видеть! И не стоит так отчаиваться, поверьте!

– Ну как же, – растерялась опечаленная мать. – В такой день иначе и не получится.

– Да? А вот, не хотите поддержать на руках мое сокровище?

Элиза подхватила у стоящей сзади нее фрейлины свою дочку и довольно бесцеремонно, чуть ли не силой вложила в руки непонимающей женщины. Заметив, как та пытается неловко придержать довольно упитанную девчушку, принцесса рассмеялась:

– Как интересно! А ведь Стефани никогда ни к кому на руки просто так не пойдет. А тут еще и сама за вашу одежду цепляется. О! Вот дает!

Действительно, ребенок, словно увидев яркую, интересную игрушку, вдруг вцепился пальчиками в лиф платья и, упираясь крепкими ножками, встал на коленях у Ксаны. Какое-то мгновение всматривался в бледное лицо женщины и вдруг коротко, но радостно рассмеялся.

– Ну вот, – Элиза Майве наклонилась вперед и перешла на заговорщицкий шепот: – Признала родную бабушку.

Мать Героя округлила глаза от осознания и прошептала в ответ:

– Значит... это правда?..

– Ха! И так про это многие догадываются, не будем же мы таиться среди родственников! – беззаботно хмыкнула принцесса. Но, видя полное недоверие в глазах женщины, продолжила: – Сейчас будет эксперимент номер два. Готовы? – И, не спрашивая дальнейшего согласия, опять обернулась к первой фрейлине: – Сильвия, дай бабушке подержать своего Сандрю. Глянем, как он отреагирует.

Притихший к тому времени малыш как-то слишком серьезно присматривался с рук матери за тем, что его подружка по играм вдруг оказалась у другого человека. И когда тяжело вздыхающая Сильвия тоже усадила его на колени Ксаны Ферити, то малыш первым делом потянулся к ручке Стефани. Плотной обступившая это место трибуны группка близких родственников наблюдала удивительную сценку. Девочка словно небрежно оттолкнула пальчики Сандрю, после чего тот как завороченный устался на Ксану. Потом поднялся с настойчивым пытанием на ноги, присмотрелся более внимательно и тоже радостно засмеялся.

– Ну вот, – продолжала улыбаться Элиза. – И этот признал.

Теперь уже напряженную Сильвию мать Героя рассматривала во все глаза. Могло показаться, что она не знает, как ей поступить в создавшейся ситуации, то ли улыбнуться, то ли зарыдать в полный голос. То ли страстно прижать к себе двух пухленьких деток. И в данном случае наследная принцесса оказалась на высоте, отвлекла бабушку от готовой разразиться слезливой сцены:

– Что из этого следует? Только одно: эти детки способны отличить даже дальних родственников. К чему я это говорю? – она приблизилась к женщине еще ближе: – Да к тому, что нас, своих матерей, детки замечают через несколько толстых стен. А когда мы очень злы или рассержены, начинают сразу плакать. Но еще хуже они себя ведут, когда не видят друг друга или кто-то из них ударится. Тогда другой ребенок просто заходится от плача и страха. Иначе чего бы я стала терпеть возле себя объект моей ревности? Но иначе не получается...

– Так поэтому дети все время вместе?.. – полувопросительно озвучила свою догадку растерянная женщина.

– И поэтому – тоже! Но! Главное не в этом, – продолжила терпеливо разъяснять Элиза. – Я уверена, что даже частичку тела своего отца эти детки отличат где и как угодно. Вы понимаете, о чем я говорю? Так вот! Сегодня похоронили не Кремона!

От этих слов Ксана затряслась всем телом:

– А кого?!

– Да кого угодно! Мало ли чьи это могли быть останки.

– Как же так? Кто допустил?!

– А вот с этим вопросом не ко мне. – Элиза выпрямилась и посмотрела в сторону продолжающих спорить королей. Затем скривилась и рассудила вслух: – Кажется, они и сами ничего понять не могут. Придется нам, женщинам во всем разбираться. Только вот с кого начать? Ага! – Она заметила топчущегося поодаль министра обороны. – Он ведь доставил известие Тормену Звездному! Ну-ка, окружаем его, начинаем допрос!

К тому времени Сильвия с ревнивой материнской любовью уже забрала своего сынишку из рук бабушки, но когда подобное собралась сделать и принцесса, Ксана со слезами на глазах и прерывающимся голосом попросила:

– Можно... я ее еще подержу? Немножко?..

– Конечно, – легко согласилась молодая мамаша, но отходить не стала, а попросила стоящего совсем недалеко герцога Каррангаррского: – Фелис, будьте добры, вместе с Бригом заманите сюда этого brave маршала для частного разговора.

Задание оказалось не из простых, но пробивному асдижону удалось за пару минут нащупать нужные точки в сознании министра обороны, и тот вскоре оказался в компании возбужденных родственников. Когда его спросили о причине такой суматохи, он сомневался недолго и просто махнул рукой:

– Ай! Все равно все об этом скоро узнают, такое не скроешь, – и стал рассказывать: – Еще вчера, когда доставили забальзамированные останки Героя, со всех них были сделаны точные копии и сняты точные размеры. Но только сегодня утром, уже практически во время начала похоронной церемонии в столицу прибыл Шеслан Тулич, личный врач и куратор Кремона Невменяемого. Так он сразу в течение часа со стопроцентной уверенностью заявил, что это останки не его подопечного, а какого-то худощавого, ростом за два метра неизвестного мужчины. Ну и потребовал немедленно остановить похороны. А как это сделать? И кто посмеет? Вот пока весть до короля дошла, вся церемония почти и закончилась. Так по инерции и захоронили невесть кого...

Для привлечения внимания Элиза Майве резко щелкнула пальцами под самым носом у маршала:

– Так где теперь находится Кремон Невменяемый? Или его останки?

Министр вздрогнул, с тоской посмотрел в сторону занятых разборками королей, которые теперь всем скопом наседали на раскрасневшуюся Мирту Миротворную, и тоскливо признался:

– Никто не знает...

Глава пятая

Порт города Экан

Речное путешествие подошло к концу. Капитан рыбацкой фелюги уже успел побывать в Экане несколько раз в пору своей юности и бурной молодости, поэтому проскочил мимо речного и уверенно отправился прямо в морской порт. Уракбай заблаговременно предвидел, что на последнем этапе пути лавировать утлону суденышку придется на веслах, а посему не поленился за пару дней обучить своего подопечного орудовать веслом. Теперь Заринат без всякого напряжения, скорей даже в охотку ворочал тяжеленным веслом и довольно сносно выполнял все громко раздающиеся команды. Взмыленный Крюк еле поспевал управляться со своей стороны, и капитану приходилось больше покрикивать именно на матроса. Но как бы там ни было, фелюга в итоге удачно протиснулась между больших морских кораблей и пробралась в самый удобный уголок пирсов.

Когда пришвартовались, Дельфин многозначительно стал давать последние инструкции матросу:

– Мы сейчас пройдемся по моим знакомым, и они нам помогут быстро найти покупателей на наш кораблик. Когда вернемся с ними сюда, получишь окончательный расчет. Но пока постарайся никуда не отлучаться, а если кто будет интересоваться, говори, что это собственность Уракбая Дельфина и он сейчас отправился к начальнику порта. Понял?

– Легко, – подтвердил Крюк и, кивая на застывшего с тяжеленным заплечным мешком Зарината, спросил: – А товарищ твой в толчее порта не потеряется? Может, ему лучше со мной побыть?

– Не потеряется! – при этом опекун поправил точно такой же мешок у себя на спине и протянул руку в сторону. Боевой побратим уверенно схватился за ладонь. – Вот видишь, он от меня и сам ни на шаг не отходит. Ладно, мы пошли.

Первым делом молодой аферист поспешил в лавку менялы, где они обменяли тяжеловесные мелкие монеты, которые волок Заринат. В последних двух поселках сборы оказались настолько большими, что тамошние менялы не нашли столько наличности.

Когда вновь парочка оказалась на улице, то первым делом подалась в палатку, где продавались одежды и пояса. Вскоре военная униформа оказалась в куче старого тряпья, а бывшие вояки облачились во вполне приличные костюмы торговцев средней руки. Полновесные золотые были припрятаны на нательных поясах, и к старым знакомым Дельфин отправился в довольно приличном виде.

Первый же перекупщик оказался на месте, чем сэкономил время гостям и заработал свои проценты от посредничества. Фелюгу тоже продали без проблем, покупатели хоть и покривили носами, но рассчитались сполна. Прямо на пирсе получил свой окончательный расчет и добросовестный Крюк. Он ведь для того и нанимался матросом, чтобы в итоге добраться до Экана и здесь разыскивать своих дальних родственников в надежде осесть постоянно в этом крупном городе.

Распрощались тепло, по-дружески, разве что Крюк задал напоследок парочку вопросов. Да и то скорей сделал это из вежливости.

– Может, и вы тут останетесь? Чем Эмран лучше Экана?

– Ну, дружище, тут всего и не расскажешь, – закачал головой от воспоминаний Уракбай. – Люблю я свой родной город. Считаю, каждую улочку в нем знаю и мечтаю добраться туда как можно скорей.

Если он и кривил душой, то ненамного. Эмран и в самом деле ему нравился и сильно тянул к возвращению. Но более скрытые причины таились в тех тайниках, которые удачни-

вый аферист успел наполнить внушительными шкатулками с драгоценностями и кожаными мешочками с деньгами. Да и преступный мир продолжал притягивать к себе вороватого прохожу своими блестящими перспективами. Один горький урок его так ничему и не научил. Но не рассказывать же обо всем этом простому матросу? С которым-то и знаком был всего две недели.

– Тогда желаю вам счастливого, непыльного пути! – пожелал на прощание Крюк.

– Больно надо нам на повозках трястись, – не удержался от хвастовства Дельфин. – Водный путь и быстрее и приятнее. Между портами опять наладили постоянное пассажирское сообщение, так что мы скорей всего прямо сегодня и отправимся. А завтра вечером увижу родные стены Эмрана. Прощай! И спасибо за отличную службу!

Вот так они и расстались. Крюк подался в город разыскивать своих родственников, а парочка сослуживцев – вдоль остальных пирсов, расспрашивая о попутном корабле. Время оказалось послеобеденное, поэтому нужный транспорт хоть и нашли, но вот ни капитана, ни боцмана на нем не было. Зато дежурный матрос подтвердил, что пассажирских мест на борту достаточно и его корабль выходит в море перед закатом. В общем, несколько свободных часов появилось, и Уракбай логично рассудил, что неплохо их провести пообедав и напоследок прогулявшись по местному рынку. Авось, какую полезную мелочь и прикупят.

За все долгое, чуть ли не месячное путешествие, которое на самом деле напоминало скорей артистическое турне, вору и аферисту так ни разу и не пришлось задействовать свой многочисленный арсенал. К моменту разборки с речными бандитами он не успел, а во всех остальных, даже несколько напряженных случаях умело обходился лишь своим умением заговаривать зубы кому угодно. Но сейчас, когда он с сослуживцем вышел из кабака с отяжелевшим желудком, ему захотелось прикупить и более солидное оружие. Поэтому они и отправились на улицу с оружейными лавками. Сама улица считалась частью общего рыночного квартала, так что там было не протолкнуться от толп снующего во все стороны торгового, рабочего, служивого и уголовного люда. Но до нужного магазина добрались без проблем.

Встречающий продавец опытным взглядом ощупал вошедших покупателей и сразу изобразил надлежащую вежливость:

– Чего желаете, господа?

– Вначале посмотрим, что у вас есть, а потом внимательно вчитаемся в ваши ценники, – ответил Дельфин, сразу отправляясь к огромному стеллажу с кортиками. Подобное оружие во все времена считалось самым модным в портовых городах: узкое лезвие, достаточная тяжесть и несомненное удобство применения в тесном помещении. Продавец поспешил следом за молодым господином, приговаривая:

– Конечно, кортик на вашем поясе будет смотреться великолепно! А что ваш телохранитель? Оружием не пользуется?

Уракбай повернулся к сослуживцу и, употребляя прижившееся в последнее время укороченное обращение, пошутил:

– Зар, зачем тебе оружие? Ты ведь и так самый сильный. Правда?

– Заринат очень сильный, – последовало довольное подтверждение. После чего продавец присмотрелся к обожженному лицу более внимательно, рассмотрел безумные, ничего не выражающие глаза и тихо пробормотал:

– Хм! Ему достаточно будет напугать любого только своим внешним видом.

Все-таки покупатель, выбирающий кортики, его расслышал:

– Да нет, уважаемый, мой телохранитель и в самом деле может тебя оглушить одним ударом или шутя свернуть шею. Не сомневайся!

– Странная у вас охрана, – попытлся продавец и до того времени, пока покупатели не вышли из магазина, старался к обожженному уроду спиной не поворачиваться.

Зато опекуну вдруг очень понравилась сама суть мелькнувшей у него идеи:

«В самом деле, почему бы мне не подучить беднягу на роль моего телохранителя? Все-таки жизнь у него станет намного лучше в таком случае, чем нищенствовать на центральной площади Эмрана. Только вот справится ли он? С его-то умом...»

Но любая зарождающаяся в голове у афериста идея всегда получала должную разработку. Поэтому уже вскоре Уракбай частенько останавливался и проникновенным голосом убеждал бывшего десятника:

– Ты должен меня всегда защищать от любой опасности. Уракбай очень хороший, тебя очень любит, и ты его тоже очень любишь. Поэтому будешь оберегать всегда.

Вначале потерявший память сослуживец лишь внимательно прислушивался к словам своего опекуна и с аппетитом уплетал любимые орешки, выдаваемые поштучно. Потом стал согласно кивать и поддакивать:

– Уракбай хороший, да...

За что получал награду в парном количестве. На третьем этапе он уже с готовностью повторял целые предложения:

– Заринат всегда будет защищать Уракбая! – и получал сразу три орешка.

На этом этапе внушения парочка как раз и добралась до искомого корабля. Но, как оказалось, планы у капитана неожиданно изменились, и он перенес отплытие в Эмран на завтрашнее утро. Незадачливым пассажирам ничего не оставалось делать, как отправиться искать в наступающем вечере подходящее место на постоялом дворе. Потому как ни один корабль сегодня уже в море не выходил. По крайней мере в попутном направлении.

Неунывающий Дельфин и это время решил употребить с пользой. Сняв комнату на двоих, он заказал сытный ужин на определенное время и спросил у хозяина:

– Где бы мы могли с моим телохранителем немного размяться в фехтовании, а потом и сполоснуться перед едой?

– Если хотите, можете устроиться в конюшне, она все равно сегодня почти пустая, – решил хозяин, с недоверием посматривая на изуродованного ожогами мужчину с явным выражением дебильности во взгляде. – Там же и бочки стоят с чистой водой, используйте самую крайнюю.

Следующие два часа искусный оратор применял свои педагогические таланты в полной мере. В конюшне он соорудил из соломы несколько чучел, обрядил их в какие-то найденные накидки и с усердием истинного психиатра принялся наущать своего недалекого товарища, как и что надо делать по определенной команде. Все основные команды сводились только к одному: указать цель, приказать определенное действие, а потом вовремя остановить набирающего обороты сумасшедшего воина. Уракбай указывал рукой на одно из чучел и выкрикивал:

– Враг! – затем в зависимости от желания добавлял слова «Убей!» или «Держать!».

После первого слова бывший десятник с рычанием превращал чучело в лохматые ошметки, а после второго крутил и подминал под себя. Ко всему прочему, судя по счастливой, хоть и безобразно смотрящейся из-за ожогов улыбке, подобная забава ему очень нравилась.

Много времени ушло на обучение командам «Отбой! Успокойся!» и «Отпусти!». Ну и напоследок Дельфин проверил, как работает его команда при большем количестве потенциальных противников. Установил все три чучела недалеко друг от друга и скомандовал, указывая на них:

– Враги! Убей!

Вот тут уже Заринат постарался. Сшиб в одно место все три чучела ухарскими ударами, а потом стал их топтать ногами и рвать скрюченными пальцами. Зрелище получилось почище гнутья подков. Только со второго, более громкого окрика разбушевавшийся ученик замер, затем налитыми кровью глазами разыскал своего опекуна, узнал, улыбнулся до ушей и поспешил за поощрительной порцией орехов.

И угощая своего гипотетического телохранителя, Уракбай в сомнении раздумывал:

«А если вдруг мне не удастся его остановить? Он ведь запросто в азарте своей игры и мне кости переломает или голову свернет. Ха! А потом еще и за остальных окружающих примется! Он такой. Хотя, если припомнить, то Крюка при нападении бандитов он даже пальцем не тронул. Но ведь там он сам почему-то в драку полез, тогда как по моей команде «Убей!» может искать врагов неизвестно какое долгое время. Придется как можно больше внимания уделить блокирующим командам, а то как бы чего не вышло...»

Потом они разделись и стали смывать с себя пыль и пот.

Мыл Дельфин своего подопечного тоже сам, осторожно, стараясь не причинить боль на особо изуродованных участках кожи. И со стороны действительно могло показаться, что молодой парень и в самом деле ухаживает за любимым отцом. Хотя великовозрастный мужчина вел себя при этом, как ребенок: шлепал ладонями по воде и громко смеялся.

Именно такую сценку и подсмотрел хозяин постоянного двора, приблизившись к тыльному окошку конюшни.

– Однако! – возмущался он, вернувшись в общий зал и обращаясь к своей супруге, протирающей столы. – Да они оба сумасшедшие, не иначе! Скорей бы они уже убрались...

– А чего вообще они у нас остановились?

– Идущий в Эмран корабль отложил выход в море на завтра.

– Ну тогда и волноваться нечего, – подвела итог рассудительная женщина. – За одну ночь они нашу конюшню не развалят.

Выспались сослуживцы отменно. И утром, плотно позавтракав, поспешили в порт. Корабль, на котором они собирались отплывать, стоял под загрузкой. Но по виду почти опустошенных повозок на пирсе стало понятно, что вскоре авральные работы будут завершены. Так и получилось. Прибывшим пассажирам выделили каюту, и пока они обживались в ней, беготня по палубе возобновилась с новой силой. Под свистки боцманской дудки матросы подняли паруса, и вскоре корпус каботажного судна закачался на волнах открытого моря.

Самое что ни на есть время, чтобы пассажирам выйти и прогуляться по палубе. Заодно подышать свежим морским воздухом. Чем Уракбай и воспользовался. Как ни странно, но только тогда он осознал, что на всем корабле всего лишь два праздных путешественника. Это подтвердил и помощник капитана, надменный щеголь с тонкой полоской черных усов:

– Да, господа, практически весь десяток остальных пассажиров, как только узнал об отсрочке рейса, еще вчера подался на другой корабль. И сегодня тоже пассажиров набрать не удалось.

– Зато вы загрузились по самые крышки трюмов, – вежливо поощрил пассажир моряка, но своим неосторожным словом лишь поменял к себе отношение. Взгляд у помощника стал колючим и подозрительным:

– Чего это вы так интересуетесь нашим грузом?

– С чего вы взяли? Да наоборот, польстить хотел подобной хозяйственности.

– Кстати, – продолжил допытываться насторожившийся щеголь, – а кто вам порекомендовал именно наш корабль?

– Да никто, сами по пирсам нашли.

– Ага, значит, вы вообще не из Экана?

– Ну да. И что в этом такого?

Уракбай уже стал догадываться, что они не совсем осторожно попали на борт к контрабандистам, но вообще притвориться глухонемым было бы еще подозрительней. Мелькнула мысль сослаться на свои связи в преступном мире Эмрана, но подобное действие могло только ухудшить отношение к ним команды. Наоборот заподозрят в попытках оправдаться. Поэтому ничего не оставалось сделать, как вежливо поблагодарить помощника за беседу, узнать, когда кормят и где кают-компания, и пройти на ют корабля, откуда открывался самый прекрасный вид.

Возле выступающей над волнами стойки леерного ограждения Заринату понравилось больше всего. Хотя вначале он и обеспокоил своего опекуна горящими от надежды глазами и громким, просительным восклицанием:

– Купаться?!

– Нет! Сейчас купаться нельзя! Ты понимаешь: нельзя!

Бывший десятник возражать не умел, поэтому послушно уселся на палубу и смиренно любовался покатыми волнами. Он даже с некоторым сомнением дал себя увести только на обед, потому что никогда и ни при каких условиях не отказывался от пищи. Потом опять вернулся на понравившееся место и покинул его только для ужина.

В кают-компании с пассажирами трапезничал лишь капитан и его помощник. И скорей всего они теперь на пару подозревали незадачливых путешественников во всех тяжких. Рассмотрели они и невменяемое состояние сильно обожженного воина.

– Где это его так потрепало? – потребовал подробностей капитан. И вот тут Уракбай и совершил, пожалуй, свою самую большую ошибку в жизни. Он припомнил, с каким сочувствием и состраданием воспринимали остальные ордынцы рассказы о переломном моменте в истории своего государства, и решил опять этим воспользоваться:

– Да мы демобилизованные солдаты, а ранения получили во время легендарного сражения отряда диверсантов с Титаном.

И на добрые пятнадцать минут пустился в пересказ легендарных подробностей. Не забывая при этом красочно описать не только свою роль, но и самоотверженность особенно пострадавшего храброго десятника.

К концу рассказа моряки подобрали свои отвисшие челюсти, и совершенно неожиданно помощник сказал:

– Сочувствуем от всей души, но нам надо ложиться спать.

Немного удивленный такой реакцией на свои подвиги, Дельфин, тем не менее, поспешил ретироваться из кают-компаний, поблагодарил за ужин и утянул за собой сослуживца. Но вот если бы он подслушал состоявшийся после его ухода разговор:

– С этими все ясно: шпики! – вынес безапелляционный приговор капитан. – Косят под демобилизованных, а сами вырядились получше, чем наблюдатели воли Фаррати.

– Я тоже так сразу подумал, – оживился надменный помощник. – Сразу, как только их увидел, понял, что за птички. А тут еще этот обожженный невменяемым явно притворяется.

– С чего ты взял?

– Так ведь полдня на юте провел! А чего высматривал? Вот! Явно своих коллег из военной армады высматривает. Собирается определенный знак подать! Военные фрегаты хоть и разогнали по всему морю, но ближе к Морскому королевству, поговаривают, до сих пор сражения продолжаются.

– Тут ты перебрал, – капитан оглянулся на дверь. – Мир давно. Какие могут быть сражения! А вот если военные корабли оттянулись к нашим портам, то наверняка перед ними новые задачи поставили. А какие? Да только одни: таких, как мы, вылавливать.

– Вот и я о том же! – шипел помощник. – А эти двое наверняка все давно высмотрели и специально вчера на другой корабль не подались. Погрузку видели, а скорей всего и за повозками из самого города проследили. Вот так!

– Э-эх! – в отчаянии застонал капитан. – Неужели погорим?

Его помощник тоже воровато оглянулся на дверь и зашептал:

– Придется перестраховаться...

После выхода из кают-компаний Заринат вдруг неожиданно заупрямился и, словно капризный ребенок, потянул на свое любимое место.

– Так ведь спать пора! – попытался напомнить Уракбай, но и сам поддался очарованию ночного моря. Обе луны как раз светили в полную силу, и по всему ночному небосклону про-

тянулись три огромные разноцветные радуги. Пожалуй, в такую ночь можно и в самом деле в полной мере насладиться созерцанием теплого и ласкового моря.

Тем более что и бывший десятник с детской непосредственностью твердил одно и то же:

– Море! Там море!

– Ладно, посидим, – вздохнул опекун, поддаваясь настойчивой, но весьма деликатной тяге за руку. Хотя понимал, что при желании подопечный его вообще утянет куда угодно играючи. – Но только недолго, ты понял? Недолго!

– Да, да, да! – еще больше обрадовался Заринат.

Они уселись прямо на палубу, свесив ноги под леерное ограждение, и замерли в завораживающем созерцании. Больших волн не было, но иногда морская зыбь довольно высоко приподнимала нос корабля, а потом пугающей неотвратимостью приближала к серебрящейся отражениями радуг воде. Но все равно, ни разу теплая волна не достала ног расслабившихся пассажиров. Один из них усиленно пытался рассмотреть бессмысленные, смазанные картинки в бредовых воспоминаниях, а второй радовался воистину волшебным минутам покоя, выпавшим на их долю.

Вот только неосторожный скрежет металла за спиной сразу вывел из радостной неги. Уракбай вскочил с максимальным проворством, своим действием заставив застыть приближающуюся по юту группу матросов, которые ошетинились длинными копьями и увесистыми алебардами. Тут же за их спинами запоздало зашипел помощник капитана:

– Тише!.. – но, осознав запоздалость своего шипения, перешел на нормальный голос: – Ну что, так и не дождались своих компаньонов? – с издевкой обратился он к пассажирам. – И все-то вам «надзирать» не терпится!

– Вы нас явно не за тех принимаете! – воскликнул Дельфин, лихорадочно просчитывая создавшуюся обстановку и свои шансы остаться в живых. – Кажется, вы не совсем верно истолковали наши честные и откровенные рассказы. Я вам могу прямо сейчас показать наши документы и продуктовые аттестаты. Вы ведь знаете, что они выдаются только действительно пострадавшим в сражениях воинам.

– Ну да, чего вам стоит написать мешок таких бумажек! Да по вашим любопытным мордам без всякого документа все сразу ясно становится.

– Поверьте, мы вообще не заинтересованы в какой-либо конфронтации, – с отчаянием применял свои умения убеждать Уракбай. – Я ведь тоже довольно знаменитый в Эмране человек и полтора года назад просто из-за необходимости избежать виселицы подался в рекруты. За меня кто угодно может поручиться...

– Ага! Так теперь уже не притворяешься очевидцем гибели Титана? Теперь ты нам про тюрьмы Эмрана расскажешь?

– Запросто...

– Вот тут ты и попался второй, да нет, пятый раз! – со злорадством восторжествовал помощник. – Кто, кроме дознавателей, так хорошо тюрьмы знает?

– Да меня лично сам Шырь Одноглазый знает с пеленок!

Последний аргумент о знакомстве с наибольшим криминальным авторитетом Эмрана вообще рассмешил атакующих:

– Ну вот, даже Одноглазым со страха решили прикрыться! А ведь его уже три месяца как повесили!!!

Это был конец. О каком-то удачном сопротивлении не могло быть и речи. Дюжина жестко настроенных на схватку матросов выглядела грозно и неприступно. Да и помощник капитана за их спинами потрясал заряженным арбалетом. Конечно, можно и ножи кинуть, и кинжал, и кортик, да только общего дисбаланса сил это не выравнивает. Даже если пустить в бой вставшего рядом Зарината, то бывший десятник просто погибнет без малейшей пользы, пронзенный несколькими копеечными наконечниками и добитый тяжелыми алебардами. Выход оставался

только один: со всей возможной скоростью сигануть за борт и тем самым насколько возможно дольше оттянуть время собственной смерти. Потому как ни края земли, ни единого огонька на мачте других кораблей на горизонте не просматривалось.

Мелькнула, правда, предательская мысль прыгать за борт немедленно, но совесть не позволила бросить боевого товарища на растерзание морякам. Требовалось выиграть буквально несколько мгновений, и Дельфин патетически воскликнул:

– Хорошо, мы сдаемся! Делайте с нами все, что хотите, но в Эмране я вам докажу нашу легенду.

– Да? Ну ладно! Так бы и сразу! – вкрадчиво заговорил помощник. Кажется, ему не хотелось рисковать ранениями, а то и жизнями матросов, и он решил добиться победы без кровавого столкновения. Хотя и так было понятно, что пассажиров немедленно «выпотрошат» и все равно прибьют перед тем, как бросить за борт. – Тогда бросайте свое оружие нам под ноги, а сами ложитесь на палубу. И учтите, если мы у вас отыщем хотя бы иголку, все кости переломаем. И побыстрее! Нечего там переговариваться!

Пока он так выкрикивал, Уракбай полуобернулся к своему подопечному и громко зашептал:

– Зар! Сейчас будем купаться!

– Да, да! – сразу обрадованно залопотал довольный Заринат.

– Прыгай вместе со мной и постарайся высидеть на глубине дольше меня. Ты ведь сильный?

– Да! Очень сильный!

– Прыгаем!

Кажется, последнее восклицание насторожило матросов, и они решили ринуться вперед. Да только Уракбай не пожалел своего изысканного кортика, красиво им размахнулся и швырнул в приближающуюся стенку. Одновременно скидывая с кисти левой руки свою дорогостоящую Живую удавку. Все нападающие непроизвольно замерли, отстраняясь чуть назад, один из них захрипел, хватаясь за горло, второй вскрикнул от боли, и этого момента Дельфину вполне хватило, чтобы поднырнуть под леер и прыгнуть в воду. Чуть раньше в белеющих брызгах скрылся нырнувший в море Заринат, который даже не подумал засомневаться в приказе своего опекуна. Следом с палубы послышался разочарованный рев, как самого помощника капитана, так и всех оставшихся на ногах матросов. Потом по поверхности воды что-то пару раз шлепнуло. Видимо, разрядили арбалет и бросили несколько копий, пытаясь настичь беглецов.

Но те вообще не спешили выныривать, пытаясь как можно глубже погрузиться в чернильную синь ночного моря. Соревноваться так соревноваться! Да и была вполне обоснованная надежда, что экипаж корабля не станет в авральном режиме работать с парусами и совершать галсовые маневры, возвращаясь к месту побега ушлих пассажиров.

Так и произошло. Когда отчаянно нуждающийся в воздухе Дельфин вынырнул очень осторожно на поверхность, возвышающаяся корма торгового корабля уже была от него на расстоянии метров двадцати. И с мерной скоростью продолжала удаляться. В соревновании победил Заринат, который вынырнул на добрую минуту позже. Сразу несколькими мощными гребками приблизился к своему опекуну и радостно воскликнул:

– Победа! Зар – самый сильный!

Его совсем не интересовало, где и почему уплывает вдаль спасительный корабль, зато важна была игра и следующая за ней похвала. Чего сразу и дождался от сослуживца:

– Конечно! Зар – молодец! Зар – победитель!

Тогда как к тому времени Уракбай пытался как можно быстрее избавиться от разбухающей и сковывающей движения одежды. Морская вода держит хорошо, да только лучше при этом находиться максимально облегченным. И не стоит долго раздумывать, когда тебя тянут на дно несколько килограмм дополнительного железного лома. Первыми ушли ко дну инкрусти-

рованные, но теперь совершенно бесполезные ножны кортика. Потом кинжал и метательные ножи, потом сапоги и почти вся одежда. Самым последним мелькнул в воде тяжеленный пояс с золотыми монетами. Все-таки прекрасную жизнь знаменитый вор и аферист любил гораздо больше, чем презренный, пусть и такой желанный металл.

К тому времени уже и двужильный Заринат стал захлебываться. И опекун стал облегчать своего подопечного.

– Зар, надо раздеться и все с себя сбросить! Мы будем плавать очень долго и очень далеко.

Пока разделись и сбросили все лишнее, совсем вымотались. Хотя бывший десятник и порывался куда-то плыть, неосознанно вспоминая команду «далеко». Пришлось перестраивать слова убеждения прямо на месте:

– Нет, мы никуда пока не плывем. Просто ложимся на спину и отдыхаем. Слышишь? Отдыхаем и наслаждаемся теплой водичкой.

И действительно, что им еще оставалось делать? Только наслаждаться полученной от смерти отсрочкой в несколько часов, да дико надеяться на желанное и великое чудо. Часы шли, одна луна зашла за горизонт, и колдовская радуга уменьшилась вдвое. Словно из-за недостатка освещения вода стала холодней, и поднялся более сильный, студеный ветер. Потерявшимся в воде путешественникам пришлось время от времени делать интенсивные, согревающие заплывы. Но с каждым разом сил на это оставалось все меньше и меньше. Тем не менее, оба сослуживца продержались на плаву целую ночь, и когда небо на востоке стало светлеть, Уракбай задеревеневшими губами прошептал:

– Зар! Мы должны продержаться до восхода Занваля. Слышишь? Должны!

А про себя мысленно добавил:

«Под лучами нашего светила и помирать не страшно. В сто раз лучше, чем под ножами этих трусливых и лживых контрабандистов! Да и вообще, видимо, мой злой рок довлеет над судьбой: один раз удалось избежать виселицы и встать на путь честной жизни, так чего я вновь решил вернуться на эту ухабистую стезю? Еще и обездоленного раненого товарища за собой поволок. Вот судьба меня и наказала! И ничего изменить нельзя...» – тело конвульсивно сжалось от переохлаждения, и только чудом Уракбай не захлебнулся. Пока отфыркивался и судорожными движениями пытался разогнать застывшую кровь, не заметил, как стало совсем светло.

Зато услышал, как сбоку донесся горделивый, но прерывающийся и бестолковый шепот бывшего десятника:

– Занваль! Тепло... Зар – сильный... Очень сильный... Зар? А я кто? Опять туман...

Дельфин отчаянно развернулся, пытаясь в последний раз ослепить глаза хоть краешком поднимающегося Занваля, но чуть не закричал от неожиданности. Строго с востока на обессиленных утопающих надвигался внушительный рыбацкий баркас, идущий на веслах и всем своим корпусом перекрывая лучи утренней зари. Как раз на носу баркаса привстал с некоторым напряжением впередсмотрящий и, наконец-то разглядев, что именно плавает в воде, громко заорал:

– Люди за бортом! Прямо по курсу! Табань!

Глава шестая

Всемирное расследование

Пожилая женщина, которая еще не так давно являлась старшей медсестрой в военном госпитале, от переживаний и страха совсем плохо стала соображать. Уже вторые сутки она находилась в шоке из-за свалившегося на ее голову чрезмерного внимания сильных мира сего.

Все началось еще вчера, когда в послеобеденное время к ней в дом, расположенный почти в самом центре Куринагола, довольно бесцеремонно вошло сразу несколько до зубов вооруженных людей в одеждах явно иностранного покроя. Ко всему прочему, они еще и Кзырами оказались, потому что, замерев, быстро ошупали магическим взглядом все строение от подвала до верхушки чердака, а напоследок еще и установили полог непроникновения для отделенного сознания. Уж в таких-то вещах бывшая медсестра разбиралась, поднаторела во время своей службы в армейском госпитале.

И только после этого иноземные Кзыры поставили хозяйку в известность о причине своего вторжения:

– С вами сейчас будет общаться ее величество Галирема Царства Огов. Советуем вести себя вежливо, добросовестно и честно отвечать на все поставленные вопросы.

В последнее время в Кремниевой Орде такое творилось, что в голове не укладывалось. Армию распустили, новый Фаррати все перевернул с ног на голову, по стране разъезжали никогда здесь не виданные люди из остального мира, а по небу шастали стаи вдруг ставших разумными боларов и маячили зловещие контуры огнедышащих драконов. Но чтобы еще и из Царства Огов прибыла одна из самых загадочных и легендарных колдуний – в такое трудно было поверить. Ну и сам факт общения царственной владычицы с ничем не выдающейся женщиной мог выбить из колеи повседневной жизни кого угодно.

При появлении властительной гостьи медсестра попыталась поклониться как можно ниже, но тут же была остановлена мягким голосом:

– Давайте попробуем пообщаться без всякого официоза, словно две старые подруги, – Галирема первой уселась за стол и указала хозяйке на стул напротив, – присаживайтесь! Я здесь с совершенно частным визитом, и у меня к вам буквально парочка вопросов личного характера.

Одежды никак Галирему из толпы не выделяли. Украшения или атрибуты власти тоже отсутствовали. Простая прическа и ничем не примечательная обувь. В тоне не было и нотки угрозы, царственная особа улыбалась мило и дружелюбно, и бывшая старшая медсестра, немного успокоившись, присела за один стол с легендарной колдуньей. Но если бы она только знала, во что ей выльется эта самая «парочка вопросов личного характера», она бы сразу упала в обморок. Хотя начиналось все довольно буднично и простецки:

– Дело в том, что совсем недавно один мой хороший знакомый получил ранение, – доверительно начала Галирема, – и с большой вероятностью мог попасть именно в ваш госпиталь возле Бурогоса. Скорей всего, и вы лично принимали участие в его излечении.

– Возле Бурогоса? – удивилась женщина. – Но именно тогда у нас были только одни ордынцы. Никто из иностранцев к нам в госпиталь не попадал.

– А почему это среди ордынцев у меня не может быть хороших друзей? – Казалось бы, тон колдуньи совсем не изменился и выражение на лице осталось прежним, но хозяйка дома по непонятной причине вдруг похолодела от страха:

– Ну, что вы, – с запинками выдавила она из себя, – я не хотела никого обидеть...

– И я так думаю. Поэтому надеюсь, что вы постараетесь припомнить всех раненых и всех умерших от ранений, со всей присущей вашему милосердию ответственностью.

– Я постараюсь, но... раненых было так много. И большая часть умерла еще на руках у доставляющих их в госпиталь санитаров.

– О тех, кто умер, мы поговорим позже, вначале меня интересуют выжившие. – Глаза у Галиремы расширились и странно заблестели: – Расслабьтесь и просто постарайтесь припомнить самый первый день возведения вашего госпиталя на склоне горы.

Действительно, хозяйке дома это удалось сделать без труда. Причем картинка воспоминаний получилась настолько яркой и объемной, что женщина непроизвольно вздрогнула:

– Это был сущий кошмар!..

Ну а дальше посыпались вопросы. Много, очень много вопросов. И в течение долгих, растянувшихся до беспредела часов собеседницы просидели за столом почти неподвижно, а царственная колдунья смотрела практически не моргая. Дошло до такого момента, когда на задворках своего сознания бывшая старшая медсестра вдруг с ужасом осознала, что она разговаривает помимо собственной воли и совершенно не задумывается ни о сути вопросов, ни о конкретике собственных ответов. Осколки гордости попытались собраться вместе и воспротивиться непонятному вторжению в ее духовную сущность, но чувство самосохранения рассудительно пригасило бурю возмущения, пообещав сознанию скорое окончание такой странной беседы.

Увы, скоро не получилось. Хозяйка дома осознала свою волю свободной только тогда, когда за окном наступила ночь. Голод сводил внутренности, в горле першило от сухости, а мочевой пузырь вопил от последних усилий сдержаться. Точно так же обессиленная Галирема сидела напротив: глаза расслабленно закрыты, зато на губах довольная, почти счастливая улыбка. Пока медсестра ошарашенно озиралась в попытках сообразить свои дальнейшие действия, глаза колдуньи вновь резко распахнулись, и она порывисто встала на ноги:

– Спасибо вам за доброжелательное содействие и предоставленную информацию. А это вам за добровольное сотрудничество.

При последних словах стоящий за ее спиной сопровождающий положил на стол довольно объемистый кошель с деньгами.

– Прощайте! – с этими словами Галирема со своими сопровождающими быстро покинула дом.

Измученная хозяйка только стала приходить в себя и, промочив горло слюной, вознамерилась крикнуть вслед госте возмущенную фразу: «Какое же это «добровольное сотрудничество»?!», как обратила внимание на свои руки, которые к тому моменту непроизвольно раскрыли кошель. Внутри находились не просто деньги, а самые полновесные и более всего ценящиеся в мире энормианские толаны, каждый из которых равнялся тысяче стасов. Только за одну такую золотую монету можно было купить отменного коня, а по первому взгляду на общее количество – пару домов, как этот. Мало того, среди монет подрагивающие пальцы обнаружили два кольца с крупными бриллиантами, каждый из которых наверняка превышал стоимостью весь кошель с деньгами.

После этого женщина заметалась по комнате в некоторой панике. В голове осталась только одна мысль: «Спрятать! Куда это все мне спрятать?!» Она не могла пожаловаться на вороватость соседей или на неблагоприятный климат в данном городском районе вообще, но никогда в жизни своей не то чтобы не держала, но и не видела такой огромной денежной суммы. Подобная благодарность и неожиданное богатство женщину так возбудили, что она после долгих попыток спрятать доставшиеся ей сокровища потом долго не могла уснуть. Благодатная дрема ее сморила лишь при ярком свете взошедшего Занваля.

Да только и этот беспокойный сон был прерван настойчивым стуком в крепко запертую дверь. Заполошно вскочившая с постели хозяйка вначале взглянула в окно и чуть не рухнула в обморок на подгибающихся ногах. На этот раз к ней пожаловали в гости десяток высших чинов из окружения Фаррати, пяток обвитых ременными перевязями драконов, более дюжины

крупных, зависших в воздухе боларов и даже один маленький таги. И всю эту страшную банду возглавляла не кто иная, как супруга правителя Кремниевой Орды Мирта Миротворная.

Уже сам факт посещения такими важными персонами жилища ничем не примечательной женщины мог испугать до икоты. Хотя некое осознание неправильности момента все-таки пробивалось в хаосе размышлений. Если бы медсестру хотели наказать или в чем-то обвинить, то ее бы уже давно выволокли через проломленную дверь в чем мать родила. И разговаривать бы с ней стали там, где ИМ удобно, а не терпеливо стучась в дверь простой подданной. Точно так же следовало отбросить как смехотворную и причину прихода в ее дом за выданной Галиремой щедрой наградой. Хотели бы забрать, уже бы весь дом разобрали по камешку.

Наскоро одевшаяся хозяйка дома усиленно успокаивала себя именно этими рассуждениями, когда с замершим сердцем открывала дверь. Дальнейшие действия поначалу очень напоминали вчерашнюю сцену. Только теперь уже местные Кыры вошли в дом, проверили его на отсутствие засады и установили полог непроникновения отделенным сознанием. Только вот дальше собеседование пошло совсем по-иному.

Главным различием стало заполнение сразу ставшей тесной комнаты не только супругой Фаррати и ее сопровождающей знатю, но и несколькими драконами, парочкой людей явно не ордынского происхождения, басистым таги и зависшие в настежь распахнутых окнах болары. Потому что их метровые в диаметре корпуса не проходили ни в двери, ни в оконные проемы. Стульев для всех не хватило, а драконы вообще просто присели на свои хвосты. Ну и беседу, если можно так называть длительный и скрупулезный допрос, Мирта Миротворная начала чуть ли не с извинений:

– Сожалею, что пришлось вас разбудить так рано, но дела государственной важности не терпят промедления.

Больше всего в этот момент вздрагивающая от волнения хозяйка дома пожалела, что не успела с самого утра попить горячего чая, горло першило еще от вчерашнего разговора. Поэтому она лишь вежливо прохрипела:

– К вашим услугам, ваше величество.

– Мы уже опросили всех причастных к этому делу. Дознаватели до последних мелочей осветили всю последовательность событий, но теперь выяснилось, что в финале всего этого находились именно вы. Речь идет о последних днях существования полевого госпиталя под Бурасом и ваши последние действия там как старшей медсестры. Постарайтесь ответить на все задаваемые вам вопросы со всем старанием и откровением.

В дальнейшем Мирта Миротворная почти не встревала в допрос, а все вопросы и уточнения неслись от драконов, людей иностранного происхождения, бойкого таги и висевших за оконными рамами боларов. Вчерашний кошмар повторился. Но если Галирема просматривала мозги и воспоминания отставной медсестры тихо и единолично, то теперь в воспоминаниях несчастной женщины копалось с криками, шумом и спорами сразу с десятков Эль-Митоланов. Что оказалось несколько не лучше, а намного хуже. Потому как затянулось на несколько часов дольше. Благо еще, что супруга Фаррати потребовала питье не только для себя, а и для всех. Да и обед потом подали на удивление горячий и обильный. Но все равно, к концу бурного допроса бывшая старшая медсестра выглядела, словно выжатая мочалка. Не лучше смотрелись и все остальные потянувшиеся к выходу участники «посиделок». Поэтому хозяйке дома не хватило сил удивляться, когда Мирта Миротворная перед уходом передала ей воистину королевское вознаграждение в виде второго плотно набитого кошель. Даже не раскрывая его, женщина вдруг ощутила острое чувство покаяния и взмолилась:

– Ваше величество! Мне надо вам сказать несколько слов наедине. Покорнейше прошу! – И когда они остались в комнате только вдвоем, горячечно зашептала: – Ваше величество, вчера вечером ко мне приходила ее величество Галирема! И спрашивала все в точности то же самое, что и вы.

Глаза Мирты на короткий миг опасно сузились, ноздри затрепетали, а ладошки сжались в кулачки. Но потом нахмуренные брови выпрямились, видимо, она вспомнила что-то очень важное. С некоторым сомнением вздохнула и призналась:

– Кажется, мы вместе делаем одно и то же дело. Но если вдруг еще кто-нибудь заинтересуется твоей работой в госпитале, немедленно сообщишь районному дознавателю.

– Слушаюсь, ваше величество!

Хозяйка дома провожала супругу Фаррати с трепещущим от переживаний сердцем. А ну как вдруг спросит Миротворная о вчерашнем вознаграждении? Однозначно на такой вопрос в ответ никто соврать не осмелится.

Но все обошлось. Ее величество лишь беглым взглядом прошлась по комнате и горделиво вышла наружу. Само собой что и хозяйка вынуждена была податься во двор и провожать с поклонами высочайших посетителей до середины улицы. Зато там, когда отставная медсестра провела взглядом по сторонам, то получила очередной шок для своего переполненного эмоциями сознания: всюду, везде и на всем, где только было возможно, стояли, выглядывали и громоздились жители Куринагола. Наверняка половина обитателей столицы собралась как на самой улице, так и на соседних, настолько их подогрела молнией распространившаяся новость, что супруга Фаррати с толпой иностранцев и придворных нагрянула в гости к никому не известной пожилой женщине. Да еще и долго там находилась, о чем свидетельствовали многочисленные повара, доставившие обед и все к нему полагающееся.

В таком пристальном внимании ко всему событию получился огромный и неожиданный перебор. Странная вежливость Мирты Миротворной привела к неприятным результатам: теперь о бывшей старшей медсестре знали все. Именно с этими мыслями перепуганная женщина вернулась домой и, плотно закрыв дверь и окна, еще долго разглядывала в щелочки между занавесками бурлящее на улице столпотворение. Затем, словно в трансе, уселась за стол и пересчитала находящиеся в кошельке золотые монеты. Но только через долгий час она вдруг широко и по-детски улыбнулась от пришедшей ей в голову гениальной идеи:

«Я ведь теперь могу купить какой угодно дом, в каком угодно месте! – она со щемлящим душу восторгом припомнила свою малую родину, пригороды прекрасного портового города Дазынкеля и чуть не застонала от нахлынувшей ностальгии: – Море! Теплое море, видимое из окна! Решено: отправляюсь в Дазынкель немедленно! А деньги? – она с испугом посмотрела на плотно запертые двери и окна. – Как быть с деньгами? Меня же ограбят, убьют и сто раз перед этим изна... хм, ну это вряд ли... Кому я такая нужна? А вот когда буду жить на побережье... вот тогда я сама кого угодно поймею!»

Так и не обзаведшаяся семьей женщина вдруг вспомнила, что ей всего сорок два года и она всегда в составе госпиталя пользовалась успехом не только у больных, но и у вполне бравых и лихих вояк. Сладкие мечты о создании своей собственной семьи опять сменились опасениями за собственные капиталы. Но сразу пришла в размышлениях спасительная подсказка:

«Онтарский банк! Он ведь теперь открыл свои отделения не только в Куринаголе, но и во всех крупных городах Орды. Я точно помню, все только об этом и говорят. И для меня эти банки сейчас – просто гора с плеч!»

А ведь еще совсем недавно бедная женщина вслух насмеялась над теми людьми, которые собирались отдавать собственные деньги на хранение в чужие руки. Мол, будут у нас деньги, мы и сами их сберечь сумеем и найти применение.

Вот как быстро меняется порой судьба человека.

Хотя, как правило, в хорошую сторону судьба поворачивается во много раз реже, чем в плохую. Главное для счастливого человека оказаться вовремя и в нужном месте.

Глава седьмая

Пираты

А вот невезучие и списанные из войска сослуживцы в очередной раз оказались как раз не там, где следовало. Хотя это тоже, если рассуждать философски, с какой стороны смотреть. Ведь окажись они еще на плаву совсем крохотный отрезок времени без помощи, им вообще пришлось бы уйти из этой жизни без единого шанса на ее улучшение. А так хоть они и попали к наемным убийцам, пиратам, преступникам, похитителям детей и работоторговцам, у них оставались шансы на некоторое улучшение собственной доли. Шансы мизерные, почти не видимые, но! Все-таки они были!

Пока их доставали из воды, Уракбай от бессилия и последнего радостного всплеска эмоций потерял сознание. А когда стал приходить в себя, с благостью ощутил себя живым и мысленно воскликнул с благодарностью к року:

«Все! Отныне обязуюсь вести честную и правильную жизнь! Никаких афер, воровства и шулерства! Никаких вульгарных или нечестивых слов! Никакого обмана! Обещаю!»

Потом открыл глаза, несколько раз дернулся всем телом и изверг из своего рта самые грязные и непристойные ругательства. Потому что увиденный кошмар сразу заставил Дельфина забыть обо всех только что данных обещаниях. Мрачный, сырой и пропитавшийся насквозь омерзительными запахами трюм был до жуткой тесноты заполнен закованными в кандалы пленниками. Разного пола. Причем не только взрослыми, но и подростками, а то и вообще детьми до десятилетнего возраста.

Затянувшееся сквернословие довольно невежливым пинком ноги оборвал сидящий рядом мужчина, давно небритое лицо которого украшало несколько свежих синяков и ссадин разной величины:

– Очнулся? Так чего орать как скир недорезанный? Или хочешь, чтобы охранники к нам спустились для очередного развлечения? – Затем мужчина тяжело вздохнул и добавил: – Хотя им тут уже и развлекаться не с кем: кого могли, избили, кого хотели – изнасиловали, а в последний день только пищу и воду вниз швыряют, носы при этом отворачивая. Да вот, вас сбросили...

Тут только Уракбай вспомнил о своем сослуживце и стал внимательно осматриваться. Заринат сидел от него совсем недалеко, прислонившись спиной к переборке трюма, и со счастливой улыбкой полного идиота сооружал из обрывков ткани и ниток маленькую полотняную куклу. Рядом с ним застыли две детские фигурки: мальчик и девочка во все глаза наблюдали за нехитрым действием внушительного, по их меркам, человека. Ноги и руки бывшего десятника были закованы в цепи, как и у всех остальных взрослых, а из одежды он на себе имел лишь короткие кальсоны. Впрочем, как и Уракбай. Одеть выловленных в море людей пираты не посчитали нужным. Причем торговцы живым товаром использовали при заковке выбранные по размерам цепи так, чтобы вставший на ноги человек мог передвигаться с опущенными до колен руками и только небольшими шагами. И лишь в сидячем положении руки доставали до лица. Некоторые пленники, обремененные состоянием постоянной согбенности вперед, продевали цепи для разнообразия назад и некоторое время лежали, а то и стояли, изогнув позвоночник в другую сторону.

Успокоившись за своего подопечного, Дельфин опять повернул голову к соседу и спросил:

– А где это мы?

– Ха! Да ты сам своими дурными мозгами подумай, – презрительно скривился мужчина, но дальше договорить не успел. Привставший Уракбай, обозленный на всех и вся, резко дернулся вперед, ухватил соседа за длинные волосы и пригнул его голову между своих колен:

– Слышь, ты, Синюшный! Тебе, видимо, мало харю начистили? Так я тебе сейчас добавлю! – прикрикнул он, хотя и почувствовал опять подкрадывающееся бессилие. – Если тебя спрашивают по делу – значит, отвечай и не выделяйся! Небось, вместе в одном дерьме сидим! Понял?

– Да, да, – раздалось сиплые утверждения. И как только его отпустили, мужчина испуганно отодвинулся, насколько позволяло пространство. Наверняка он бы и вообще отправился в другое место, но притихшие пленники смотрели на него с явным недоброжелательством, видимо, он уже многих здесь успел если не обидеть, так затеять ненужную конфронтацию. – Ты чего? Я ведь ничего плохого тебе не сделал!

Такие оправдания для Уракбая, выросшего и воспитавшегося в уголовной среде, не проходили:

– За свои слова отвечай! И мои мозги больше не вспоминай плохими словами. А раз тебя спрашивают по-доброму, так и ответь как следует.

– Да не обращай ты на него внимания, – посоветовал какой-то молодой парень, сидящий рядом с Зарином. – Он тут на всех кидается, потому и ходит как истинный... Синюшный.

Все, кажется, прозвище к мужчине прилипло до конца его жизни. Но на него уже никто не обращал внимания. Началась беседа с новичком:

– А вас где схватили?

– Никто нас не хватал, – попытался сесть удобнее Дельфин. – Плыли себе спокойно по морю целую ночь, никого не трогали, купались, так сказать...

– Ага, – развеселился парень, начиная догадываться о сути купания. – А купаться вас кто заставил?

– Идиоты контрабандисты! – разозлился опять новичок. – Взбрело им в голову, что нам есть дело до их вонючего товара. Прикончить нас хотели, вот и пришлось за борт сигать. Еле ночь на плаву продержались. Уже и тонуть начали, да тут баркас какой-то... Дальше ничего не помню.

– А товарищ твой? Чего такой... хм, странный?

– Болен он. После ранения с тяжелыми ожогами и память, и ум потерял. Еле выжил. Но так как служили вместе, то меня опекуном назначили. Вот мы вместе в Эмран и путешествовали.

– Вон вас как угораздило, – сочувственно кивнул головой заросший по самые глаза лохматой бородой мужчина. – А форма ваша где?

– Попробуй, дядя, всю ночь в набухшей одежде на плаву продержаться...

– Да уж...

– Теперь, может, и вы поделитесь впечатлениями от этого... – Уракбай со вздохом обвел взглядом переполненный трюм, – гиблого места?

– Действительно, гиблое, – подтвердил словоохотливый парень. – Мы сейчас на корабле менсальонийских пиратов. Во время войны Армада крепко их прижала, даже носа в океан высунуть боялись. А сейчас почувствовали слабость, и вновь за старое принялись. Видимо, большая нужда у них там в рабах появилась.

– Что, вот так прямо возле берегов Орды и пиратствуют? – удивился новичок. – Вроде в порту Экана полный порядок царил... относительный, конечно.

– Так ведь эти пираты тоже не дураки, – продолжил рассказчик. – Их несколько главных кораблей прячутся в многочисленных шхерах острова Крот, а более мелкие баркасы устроили себе пристанище на острове Опасный. Вот мелкие группы и собирают наших рыбаков по всему побережью, да нападают на неосторожных купцов. А потом свозят добычу в трюмы больших

кораблей и спешно переправляют в Менсалонию. Так что вы, можно сказать, сразу после падения сюда вышли в море. Ждать – тоже мука невыносимая.

– А что известно о нашей дальнейшей судьбе?

Тут уже все стали говорить по очереди, потому что мнений, догадок и подслушанных среди охранников разговоров оказалось бесчисленное множество. Но разность судеб просматривалась для всех не одинаковая. Почти все взрослые продадутся на самом известном рабовладельческом рынке южного континента, который располагался в Ассарии, самом крупном портовом городе Менсалонии. При такой продаже могло повезти: раб порой попадал к довольно хорошему хозяину и мог жить до самой старости, не особо изнемогая от непосильного труда в рабском ошейнике. Но чаще на доброго рабовладельца надеялись напрасно. Большинству доставались лишь плети, мизер еды и две трети суток, проходящие на каторжных работах.

Детей, скорей всего, ожидала еще худшая участь. Если их по хорошей цене не перехватят в Ассарии перекупщики, то сами пираты спешно перегрузят на речные баркасы и повезут в верховья реки Сайги. А там и до Долины Гладиаторов рукой подать. Той самой Долины Развлечений, где из несчастных детей собираются воспитывать не знающих пощады берсерков, которые убивают друг друга на потеху публике. Считалось всемирно известным фактом, что изредка вышколенных гладиаторов, доживших до двадцатилетнего возраста, покупают в свою охрану самые богатые и именитые люди. А уж о воспитанниках, умудрившихся сбежать из Долины Смерти, как ее называли сами гладиаторы, вообще существовали только легенды, изобиловавшие невероятными и явно надуманными подробностями.

Выслушав все эти жуткие домыслы, слухи и мнения, Уракбай совсем пригорюнился. Жизнь, конечно, продолжалась, да только вот кто захочет цепляться за такое кошмарное существование? Правильно, только неполноценный, ничего не соображающий человек. Потому что реальность окружающего пленников кошмара навевала самые печальные мысли о близком, но вряд ли слишком продолжительном будущем.

И как раз в это время раздался осторожный детский смех. Парочка детей, совершенно абстрагировавшись от окружающей обстановки, увлеклись игрой маленькими куклами и теперь играли с изуродованным мужчиной, который все время молчал и довольно-таки страшно улыбался. Но дети есть дети. Что малые, что большие. Они на внешность со временем перестают обращать внимание, лишь на внутренний мир выбранного ими человека. И, пожалуй, только эти трое во всем огромном, но загаженном трюме совершенно не волновались в данный момент о своем будущем.

Некоторое время Дельфин присматривался к непонятым перемещениям грубо сделанных кукол, но потом с удивлением осознал в себе крепнущую уверенность, что из любой тяжелой ситуации обязательно найдется достойный выход. Надо только не сидеть сложа руки, не заниматься самобичеванием, а со всей настойчивостью шевелить мозгами. Поэтому парень воспрянул духом и возобновил разговор с товарищами по несчастью:

– А вот скажите, друзья, на прогулку нас хоть изредка на палубу будут выводить?

– Ха! – хмыкнуло с сарказмом сразу несколько человек. – Еще чего захотел? Даже отхожее место здесь, вон в том корыте. А выносят из него отходы кувшинами только дети, раз в день.

– М-да... А на тяжелые работы забирают? Ну, там палубу драить, картошку чистить?

– Для очистки палубы у команды юнги есть. А вот с картошки нам порой дают... шелуху! Вареную на морской воде.

– О-о! Как же они свой товар не берегут? Мы так и загнуться можем! – возмутился Уракбай. Но и тут ему сказали только самое неутешительное:

– Пиратам плевать! Обещали нас за три дня доставить в Ассарию. Может, и протянем.

А какая-то женщина, видимо хорошо знакомая с медициной, со вздохом прошептала:

– Главное, чтобы дизентерия нас не свалила...

– Э-э... – опять стал впадать в уныние Дельфин. – Вас послушать, так вообще – скорейшая продажа на плантации раем покажется.

– Да так оно и есть...

– Ладно, тогда начнем думать немного по-другому, – не собирался сдаваться новичок. – Цепи у всех крепкие? Может, хоть у кого-то есть слабые или плохо прокованные звенья? Ну-ка, присмотритесь внимательнее!

Со всех сторон послышалось недовольное ворчание, но большинство пленников все-таки загремели цепями, внимательно рассматривая каждое колечко. Даже слабой искорки надежды в их сердцах не появилось, но почему бы и не заняться хоть каким-нибудь делом. Тем более, когда кто-то умный и активный все пытается решить за тебя. Пусть даже он и выглядит молодым, совершенно неопытным мужчиной.

Но нашлись и недовольные появлением в их среде неформального лидера. Тот самый Синюшный не смог сдержать своего ехидного скепсиса:

– Ну и что это даст? Найдете вы слабое звено, порвете его и освободите, о счастье, целую руку. Или ногу. А дальше?

– Потом постараемся освободить и вторую руку, – нахмурился Уракбай.

– Да? – уже чуть не смеялся украшенный синяками сосед, указывая пальцем на подлок трюма. – Там ведь тоже не дураки собрались, будут потом по одному выпускать из трюма. И что ты им сделаешь с голыми руками? Да хоть с оружием! Сразу в отбивную превратят или ломтями нарежут!

– Ничего. Зато на нашей стороне будет неожиданность, желание сбежать во что бы то ни стало. Вдруг хоть кто-то сбежит.

– Вдруг и сбежит, – согласился сосед. И конкретно посчитал: – Один! А что с остальными будет? Ведь наверняка всех накажут!

Дельфин обвел взглядом товарищей по несчастью, заметив, как все с разной долей скепсиса или надежды смотрят в его сторону, и понял, сейчас все будет зависеть от правильно сказанного слова. И талант опытного оратора и тут пригодился:

– Синюшный, ты наверняка помнишь одну отличную поговорку: если сам ничего не можешь, то постарайся другим не мешать. Так вот... – заметив, что сосед пытается что-то возразить, со всем умением напугать озлобленно рявкнул: – Закрой свою побитую пасть и выслушай до конца! Если ты отказываешься с нами сотрудничать – вольному воля. Но в таком случае и вякнуть не смей на наши обсуждения или предложения. А если одумаешься и согласишься с нашими действиями, то предлагай только нечто конкретное и рассудительное. Понял?

Последний вопрос он задал так тихо и вкрадчиво, что Синюшный сразу почувствовал угрозу появления новых синяков на своем теле и в ответ угрюмо кивнул:

– Понял.

– Вот и отлично! – Уракбай вскинул голову: – А вы все чего затихли? Неужели никто не нашел слабое колечко?

От самой дальней стены отозвался плохо различимый в полутьме мужчина:

– Кажется, здесь я нащупал один зазор. Но все равно кольцо слишком толстое, без лома не разогнешь.

– Это тебя пусть не волнует, – самонадеянно ответил Уракбай, присматриваясь к продолжающему играть куклами Заринату. – Возможно, что лом и не понадобится. Давай-ка продвигайся ближе к свету, посмотрим.

Хождения по трюму оказались делом довольно проблематичным. Но вскоре все заинтересованные собрались в самом светлом месте: под открытым люком, забранном толстенной решеткой. Все-таки пиратам не было смысла заставлять пленников задыхаться без доступа свежего воздуха, когда на море нет большого шторма. Пока рассматривали первое слабое звено,

появилось еще два кандидата на некое послабление, в том числе и женщина. Когда ее спросили, для чего ей освободиться от цепей, она решительно ответила:

– Меня отец и братья частенько с собой на охоту брали, так что лишь бы в руки схватить нечто увесистое, а там я и медведя завалю. Злости у меня хватит.

Затейщик самой попытки сопротивления рассмотрел женщину внимательнее и согласно кивнул головой: в предстоящем деле пригодится помощь любого человека. Стали мудрить и рассматривать кольца более тщательно. Конечно, если бы в трюме имелся тяжелый, добротный меч или, в идеале, молот с зубилом, то все вопросы были бы вскоре сняты, а так приходилось рассчитывать лишь на нечеловеческую силу одного человека. Для минимальной помощи в трюме не нашлось ни единого предмета, кроме глубокого, выдолбленного в цельном стволе дерева корыта для отходов жизнедеятельности. Его и ворочать не стали. Ну и чего хватало с избытком, так это прелой соломы, полусгнивших кусков парусины и некоторого хлама, могущего претендовать на старую, расползающуюся по швам одежду.

Вот именно для удобства приложения усилий Уракбай постарался использовать простые тряпки. Вначале он удобно разместил Зарината в самом выгодном месте трюма. Хотя и пришлось его для этого мягко оторвать от кукол и пообещать новое развлечение. Потом тщательно и очень умело перебинтовал руки товарища обрывками тряпок, оберегая пальцы и те части ладони, на которые придется основная нагрузка при разжиге звеньев. Ну и в завершение Дельфин личным примером стал показывать, что и как надо разогнуть:

– Вот, смотри! Надо разогнуть вот так. Понял? У меня не получается, я – слабый. Здесь нужна твоя сила, Зар – сильный! Зар – очень сильный!

Наконец до обезображенного ожогами силача дошло, что от него требует опекун, и он с поразительной скоростью, одним движением разогнул требуемое кольцо. Лиха беда начало: два остальных звена с дефектами тоже поддались довольно быстро. Но ведь один элемент конструкции не решал проблему освобождения человека. Тем более что самое центральное кольцо, на котором сходились цепи с ног и рук, вообще было бесполезно пытаться раскрыть из-за его невероятной толщины и прочности. Зато теперь у пленников оказалось три куска прочного прута, которые они получили путем длительного и упорного вначале разжима в щелях между балками, а потом и окончательного выпрямления с помощью свитых в жгут останков парусины. Теперь, вкладывая получившиеся штыри во внутренний зазор кольца, можно было приложить большие усилия на его обработанное ковкой соединение. И усилия прилагались. Причем самые максимальные, на которые только способны человеческие руки. А ведь те самые руки тоже имеют свой предел прочности. И они не могут работать вечно. Через какое-то время Заринат выдохся. Вернее, пальцы ему перестали повиноваться. И он только с каким-то отчаянием спрашивал:

– Заринат сильный? – пришлось после этого опекуну еще долго и настойчиво успокаивать своего сослуживца.

В конечном счете из ярма цепей удалось освободиться шестерым пленникам. Четверым мужчинам и двум женщинам. Да общими усилиями в течение всего следующего дня удалось освободить ноги Зарината. В предстоящем плане побега уже только это послабление могло сыграть решающую роль. Ну а затем стали разрабатывать окончательный план всего мероприятия.

По воспоминаниям пленников и рассказам детей, коих заставляли выносить кувшины, у Дельфина сложилось четкое представление как о самом корабле, так и о всей команде. Экипаж пиратского корабля после всех подсчетов не превышал пятидесяти человек. Если учитывать, что в трюме только крепких и готовых сражаться за свою свободу мужчин насчитывалось сто пятьдесят два человека, то шансы имелись довольно неплохие. Следовало только ударить одновременно и с четко обозначенных позиций.

Вся сложность состояла в том, что под открытое небо будущих рабов станут выводить только в порту, когда на пирс будет спущен трап. А следовательно, с берега может подоспеть

вооруженная помощь и свести на нет все усилия готовящихся к побегу пленников. Следовало рассчитать каждый шаг, последовательность выхода и движение каждого участника. Причем сделать это для нескольких возможных вариантов.

За основу принимали следующий. В первой группе выходят те люди с цепями, которые в своих полусогнутых позициях смогут совершить только два действия: оттолкнуть охрану в сторону и сбросить трап, соединяющий корабль с берегом. Во второй партии идут те, кто освободился от цепей. Во главе с Уракбаем и его «телохранителем». То есть самые боевые силы, которые и должны завладеть первым оружием и применить его по назначению. А назначения было два: часть употребить для дальнейшего захвата корабля, а часть передать идущим сзади освобожденным от цепей женщинам. Тем ставилась только одна задача: как можно быстрее отыскать удобное место на палубе и начать рубить цепи остальных товарищей по несчастью.

Всем остальным рвущимся на свободу людям вменялось хватать все, что подвернется в руки, и простой массой просто изолировать очаги сопротивления, поджидая вооруженного вмешательства. По возможности, следовало как можно скорее рубить швартовые, отталкиваться баграми от пирса или от берега (ведь никто не знал конкретно, куда их доставят), ставить паруса и уходить в открытое море.

План, конечно, изобилует многими недостатками и явными недоработками, но все-таки подавляющим большинством голосов был принят. Никому из людей не хотелось лишать себя последнего шанса призрачной свободы и умереть на чужбине с презренным ярмом раба на шее.

Продумали довольно ловко и сам момент выхода на палубу под яркое сияние Занваля. Ведь пираты могут сразу заметить раскрытые звенья цепей и поднять тревогу преждевременно. Чтобы этого не случилось, все места неправильных соединений обвязали тряпочками подобного цвета и пропитали тем самым переваренным картофелем, которым их кормили. Те колечки, которые распрямили в штыри, заменили полностью сделанными муляжами из соломы и тряпочек. Получилось очень правдиво, и, если не щупать руками, могло пройти. Наибольшие проблемы оказались с теми кольцами, которые приковывали ноги Зарината. Как его опекун ни старался, так и не удалось обучить неразумного сослуживца по определенной команде вынимать нужные звенья. Выход подсказал один из товарищей по несчастью:

– Раз он у нас основная ударная сила, то давайте я и мой дружок будем идти с ним рядом. А по должному сигналу сразу падем на колени и быстро освободим ему ноги.

Предложение встретили с одобрением. И стали с огромными переживаниями ждать томительно подходящего срока.

Действительно, на третий день корабль приблизился к берегу. Стал интенсивно маневрировать, меняя галсы, а затем слышались и команды швартовки. Приближающееся к сумеркам время тоже благоприятствовало, Занваль уже коснулся поверхности океана. Задерживаться с разгрузкой пираты тоже не собирались. Раскрыли большие носовые створки на носу корабля, и вниз понеслись визгливые команды боцмана:

– Дети пока пусть остаются внизу! Остальные – на выход! И поторапливайтесь! После вас, свиней, еще корабль сутки драить придется!

Старались выходить кучно, держась вплотную друг к другу. Делая вид, что ослеплены ярким светом и помогают друг другу. И подобный строй оказался пленникам как нельзя на руку. Дельфин, идущий чуть сзади своего подопечного, уже успел отлично осмотреться и приготовиться дать команду атаки, когда первые товарищи по несчастью приблизились к трапу.

Как оказалось, пирс был очень низкий, вровень с водой, что могло весьма облегчить отсечение помощи пиратам со стороны берега, где находилось несколько десятков самого разного образа людя: от простых воинов и рыцарей в полном облачении до людей явно купеческого сословия. Между ними мелькали и с десятков прислужников с рабскими ошейниками. Дальше виднелись просторные предместья и масса многочисленных портовых лабазов. То есть скорее

всего рабов, которых из-за непритязательного вида и неприятного запаха привезли не в самый центр Ассарии, а на самый край огромного, по слухам, порта.

Первый этап плана проходил как нельзя лучше. Самих пиратов на корабле и вдоль неровного строя будущих рабов виднелось относительно мало, всего человек двадцать. Поэтому идущие самыми первыми пленники приступили к своим, заранее оговоренным функциям. Идущий впереди мужчина, довольно грузного и большого телосложения, закачался и со стоном рухнул прямо перед трапом. Идущие за ним сразу жалобно запричитали и поторопились поднять своего товарища со словами:

– Он вообще никакую качку не переносит! Все три дня пластом лежал и вот, как только про берег услышал, первым понесся. Сейчас мы его поднимем, сейчас!

Вся суть этой задумки заключалась в попытках тщательно примериться к трапу для его быстрого сброса. Ну и накопить определенные силы у себя в тылах. Ведь чем большее количество пленников скопится на палубе, тем больший урон они смогут нанести пиратам. Все складывалось преотлично.

Да вот только никто не видел, как в следующей за главными зачинщиками волне на палубу поднялся тот самый недовольный, вечно спорящий Синюшный. Чуть шагнув в сторону и закрываясь спиной от трюма, он довольно живо и образно изобразил мимически на своем лице близстоящему боцману все подноготную ситуации. А когда пират еще и глаза округлил от недоверия, предатель довольно отчетливо передал под звон цепей всего одну-единственную фразу:

– Сейчас они будут бежать...

Опытному торговцу живым товаром хватило лишь быстрого взгляда по всей шеренге, чтобы осознать всю опасность ситуации. В следующий момент он уже пятился от шеренги закованных людей, выставив впереди себя меч и вопя во все горло своим пронзительным, визгливым голосом:

– Побег!!! Все к оружию!

Буквально за момент до этого присевшие на колени добровольцы вынули мешающие звенья в цепях Зарината, а его опекун Уракбай сел на корточки, поднял руку, указывая на пиратов, и повелительно стал наговаривать:

– Зар – это враги! Враги! – и одновременно с криком боцмана скомандовал: – Убей их всех!

Обожженный и изуродованный сослуживец резко выпрямился и без всякого раздумья или сомнений бросился на пиратов. Его примеру последовали и все остальные пленники. Но вот самый важный момент неожиданности был потерян. Пираты тоже оказались настоящими зверями в абордажной рубке. Ко всему они успели отскочить назад, довольно грамотно перестроиться, занять удобные для сопротивления позиции и без особого труда отбили первый, самый результативный по задумкам удар. И на деле все получилось плачевно. В большинстве случаев пираты вообще старались бить бросившихся на них людей плоской частью своих мечей и попросту оглушали согнувшихся в оковах. Те, кто был раскован, тоже особого успеха не добились, хотя и успели захватить кое-какое оружие. Один был убит, двое изрядно ранены. Обе женщины оказались не у дел, и только одна из них успела на короткое время обрести свободу: стремительно перебежала к наружному борту и сиганула в воду. Ее общими усилиями, привлекиши людей на берегу, выловили минут через двадцать.

Большинство будущих рабов так и не успело выскочить на палубу и вмешаться в схватку по той причине, что два матроса, расположенных на носовой надстройке, налегли на ворота, и сложная система противовесов сразу опрокинула створки раздвижной палубы над трюмом. От удара несколько человек тоже получили тяжкие увечья.

Наибольшего успеха в общей попытке к побегу добился Заринат. Он, словно непобедимый монстр, прошелся до конца всего самого борта, сбрасывая за борт всех, кто попадался у

него на пути. Удар меча или любого другого оружия он мастерски принимал на свои цепи, а потом великолепным броском отправлял очередного пирата за пределы корабля. К счастью для тех самых пострадавших пиратов, их при этом не ломало, высота падения до дощатого настила пирса составляла всего три метра. Так что все остались живы и относительно невредимы.

Зато потом очень не повезло самому Заринату. От его удара цепями выскочившие из нижних кубриков пираты раздались в стороны, вместе с тем самым большим злополучным центральным кольцом попали в щель крепления аварийной шлюпки. Да там на какое-то время застряли. Пока могучий телохранитель бестолково дергался, пытаясь сообразить, кто или что его держит, враги окружили его со всех сторон и тяжелым ударом меча по затылку повергли в беспамятство.

Уракбаю в этом смысле повезло немного больше. Его не оглушили, не покалечили, да и вообще не нанесли даже единственной царапины. Его просто чуть не затоптали. Идущий впереди в атаку товарищ по несчастью получил оглушающий удар и рухнул прямо под ноги Дельфина. Перепрыгнуть преграду не удалось, падение получилось нелепым, и попытка как можно скорее встать затянулась. Да в этот момент и спешащие за ним пленники навалились на него сверху: кто, споткнувшись, как и он, а кто оглушенный мечами и алебардами.

В итоге неудачного побега: два трупа среди пленников, один среди экипажа корабля и самое худшее: разъяренная злоба как самих пиратов, так и людей, их встречающих. Хотя больше всего эта злоба сказалась как раз на том, кто и оказал пиратам наибольшую услугу. Ползущий по палубе Синюшный, извиваясь, приблизился к тяжело дышащему боцману и подхалимски напомнил:

– Это ведь я вам помог! Это ведь я предупредил...

Но, видимо, плохо соображающий пират не смог адекватно оценить всю «широту» поступка скованного человека. А может, просто и сам в душе ненавидел предателей. Потому что со всего маха заехал своим сапогом под ребра Синюшного. Того даже отбросило на добрых полтора метра. Да еще и проклятие ему вслед сорвалось из уст боцмана:

– Чтоб вы все издохли! Тьфу!

Глава восьмая

Последствия побега

Наверное, поговорку: «Нет худа без добра» придумали изощренные философы, пытающиеся в плохом отыскать хоть что-нибудь хорошее. Например, плачущая вдова, глядя на голову убиенного на поле боя мужа, тем не менее, может найти в данном событии хоть толику уверенности в завтрашнем дне, размышляя: «Да на шлеме ни единой царапины! Отмыть от крови и можно продать оружейнику почти по той самой цене, что и был куплен...»

Но в подавляющем своем большинстве люди всегда скорбят при плохом, плачут, терпят боли как физические, так и моральные и ни в коей мере не тешат себя какими-то неуместными утешениями.

Вот так и Кремон Невменяемый первый проблеск возвращающегося сознания уловил во время такой всеобъемлющей и поглощающей боли, что даже плохо его запомнил. Все естество орало дурным голосом от неизвестно откуда валящихся волн леденистой мглы, оглушающего жара, судорог расщепленного на маленькие клеточки тела и хаоса оглушительных какофонических звуков. Легче было просто умереть, чем прислушаться отголосками порушенного сознания и осознать, что вокруг, помимо боли, происходят явные несоответствия.

Его тело кто-то размеренно и систематически тормозило, восклицая при этом тревожно-просительно:

– Заринат! Очнись! Ну, очнись, пожалуйста.

«К кому это они обращаются? И почему при этом дергают мое тело? Кстати, а почему я лежу? – Действительно, невзирая на отчаянные попытки погасить хоть частично лишаящие сознания волны боли, показалось, что он лежит на боку, его лицо смачивают водой или мокрой тряпкой, и чьи-то ладони интенсивно пощипывают то за нос, то за щеки. В Кремниевой Орде, кстати, это средство считалось самым действенным для приведения человека в чувство. – Зачем меня щипают? И опять называют этим странно знакомым именем... Где же я его слышал?»

На том все и закончилось для первого раза.

А усердствующий в оживлении сослуживца Уракбай с облегчением вздохнул, когда увидел открывшиеся бессмысленные глаза:

– Наконец-то! Как ты меня напугал. Уже показался мне совсем бездыханным. Ну, Заринат, ты меня узнаешь? Это я, твой опекун и товарищ.

Некоторое время очнувшийся человек лежал, пытаясь сфокусировать зрачки естественным образом. Чуть погодя это ему удалось, и он счастливо улыбнулся.

– Ну вот, узнал! – еще больше обрадовался Дельфин. – Давай вставай, нам уже давно пора выходить!

Опекун и в самом деле обрадовался приходу сослуживца в сознание. Если бы они сейчас не вышли на общий подиум для рабов, то несчастного урода лично бы добил разъяренный продавец от пиратов.

Когда попытка побега провалилась, особых надругательств над пленниками не произошло. Так, попинали некоторых ногами, да слегка, больше для остротки помахали плетями. Причем происходило все это под перестук молотков: сразу на нескольких наковальнях всем рабам приклепали на шею кольцо из толстого железного прута. Отныне рабам носить эти знаки «отличия», как выражались пираты, до скончания века. Потом всех выстроили на берегу, раненых и бессознательных погрузили в телеги. И уже там выраженный под знатного купца не то капитан пиратов, не то его ближайшее, доверенное по продаже лицо огласил приказ:

– Завтра утром все должны стоять на подиуме в любом состоянии. Кого не купят, добыю собственноручно!

Через час всех доставили в просторный и крепкий барак, покормили, а ранним утром сделали побудку, открыли ворота в смежное помещение и заставили «прихорашиваться». Благо воды в бочках там было вдосталь. Чем все пленники, забыв про стыд и мешающие цепи, воспользовались. Потом открыли следующие ворота, которые, как оказалось, выходили прямо на подиум огромного невольничьего рынка. Подобные возвышенности гигантским кольцом окружали всю труднообозримую площадь. Да и в самом ее центре хватало небольших помещений, в которых продавали более экзотический товар в виде маленьких детей, играющих в подвешенных клетках, либо симпатичных девушек, делающих любые непристойные жесты, лишь бы завлечь клиента или покупателя. Стали выстраиваться по краю подиума и рабы, которых доставили из Кремниевой Орды.

К тому моменту умалишенный бывший десятник и очнулся к своему счастью. И под руководством своего опекуна тоже «зазвенел» пред ясны очи потенциальных хозяев, вернее – рабовладельцев. Место им досталось с самого края, на левом фланге, да, похоже, Уракбай и не слишком старался попасться на глаза самым поспешным, бойким, до неприятности деловым покупателям. И пока шла первая торговля и совершались первые сделки, Дельфин успел стать свидетелем очень интересной и не совсем понятной сценки.

На соседний подиум прямо с великолепных и дорогих скакунов лихо спрыгнули две пышно разодетые женщины. По всей видимости, они с лихачеством оторвались от своей вооруженной свиты, которая только преодолевала середину огромной площади. Подиум в данный момент не использовался и скорее всего принадлежал совсем иным продавцам, потому что даже ворота смотрелись наглухо запертыми. Но зато к дамам чуть ли не кубарем выкатился один из пиратов, имеющий, видимо, офицерское звание и лично знающий титулованных покупательниц, а находящемуся ближе всех Уракбаю удалось услышать и разобрать каждое слово:

– Какая честь! Ваше сиятельство, ваша светлость! Я безмерно счастлив вас видеть.

Но, кажется, та дама, к которой обратились как к сиятельству, не была намерена кокетничать или проводить время в праздных разговорах, потому что сразу деловито приказала:

– Гульер! Покажи мне сразу деток, наверное, куплю всех разом.

Надо было видеть, как затрясся и растерялся пират от противоречивых чувств. Ведь всех малолетних рабов продали оптом на пирсе еще вчера вечером перекупщикам, но знай пираты о такой перспективной покупательнице, они наверняка бы подняли цену до небес. А что делать сейчас?

Пока растерянный пират кланялся и что-то мекал, женщина возмутилась:

– Или меня обманули? Гонец доставил мне эту новость поздно ночью, и я даже спать не ложилась по этой причине, так сюда спешила. Представляешь, графиня, – она с недовольством повернулась к своей титулованной подруге, которую недавно называли «светлостью». – Эти мелкие заморыши из княжеств мрут, словно мухи! Как они мне надоели!.. А тут ничем не испорченный товар с другого материка. Итак, – она вновь повернулась к мужчине, – чего ты мычишь? Показывай!

К тому времени тот немного пришел в себя и выпалил сакраментальную фразу:

– Увы! Госпожа герцогиня, все продано.

В какой-то момент хлыст в руке женщины стал угрожающе подниматься, и показалось, что она сейчас не сдержится, отхлещет пирата от распирающей ее злости и рвущегося через край бешенства. Видимо, точно так же показалось и остальным участникам сцены. Графиня непроизвольно отступила на шаг в сторону и выдернула из рукава носовой платочек со словами:

– Дорогая Вилейма, не стоит так волноваться.

Тогда как офицер вначале просто присел и попятился, а потом догадался найти сомнительный выход из положения:

– Ваше сиятельство! Да вы только взгляните на остальной товар, – он махнул рукой в сторону напряженно прислушивающегося Дельфина. – Есть что выбирать, не пожалеете. Вот, все людишки с этого края идут по два наших золотых. Любой! Подходите ближе, подходите...

И с этими словами ретировался за спину пленников, туда, где в центре вел торги основной продавец. Тогда как оставшиеся дамы остались переговариваться. Причем вначале герцогиня с яростью рассекла упругим хлыстом воздух, а потом, не сдержавшись, выкрикнула вслед офицеру:

– Ублюдок!!!

И столько в этом крике слышалось злости, что Уракбай не на шутку вначале испугался: «Да эта змея не иначе как этих детей ест живьем!»

Молодая графиня опять попыталась образумить свою более старшую подругу:

– Вилейма, ну чего ты так горячишься? Ты ведь прекрасно умеешь сдерживать свои эмоции. И обязательно своего добьешься.

– Ну как ты не понимаешь, Ортензия, самое худшее, что есть на этом свете, вот такие циничные сволочи.

«Неужели она готова убить этого пирата только за то, что не смогла сама перекупить малолетних детей для своих смертных игрищ? – с ужасом подумал бывший вор, аферист и мошенник. – Скорей всего! Раз еще и его при этом циником обзывает...»

– Тебе давно уже пора понять, – с досадой продолжила герцогиня, но замерла на полуслове, соединившись взглядами с Уракбаем: – Ты чего на меня уставился?

При этом парень сразу ощутил навалившуюся на него стену страха. Ему захотелось упасть, корчиться, просить прощения и умолять о пощаде. Но несколько секунд он выдержал, а потом стало легче. Лишь краем глаза подметил, как догнавшая своих дам кавалькада охраны с мрачным и решительным видом выстроилась возле пустующего подиума. Тем временем мысли продолжали лихорадочно собираться в единую систему:

«Да она полноценная шаманка! Вон как на меня эманурует! Только зачем ей дети, если она ненавидит пиратов? Зачем ей покупать рабов, если она волнуется обо всем мире? Что-то тут не так...»

И еще не осознавая направляющей, подспудной авантюрной идеи, затараторил как по писаному:

– Ваше сиятельство! А почему бы вам и в самом деле не приобрести парочку самых знаменитых в Кремниевой Орде воинов? Только перечисление всех наших достоинств и подвигов заставляло жителей огромных городов рыдать от слез от мала до велика, а крестьян – делиться с нами последней коркой хлеба.

– Замолкни! – герцогиня взмахнула рукой, и рот Дельфина сковало тягучее и непонятное вещество, явно магического происхождения. Но по неприятному совпадению тот же эффект молчания поразил и поспешившего к высоким гостям и оказавшегося на тот момент рядышком с крайними пленниками представителя пиратов. Видимо, офицер успел ему доложить. И теперь он с выпученными глазами стоял рядом с парочкой сослуживцев и нелепо размахивал руками. Кажется, Вилейму это несколько не огорчило. Наоборот, она сделала вид, что ничего не заметила, подошла к краю помоста, где хозяйку продолжал дожидаться вышколенный скакун, и элегантно уселась в седло. И только после громкого смеха графини, которая не смогла сдержаться при виде такой сцены, широко распахнула глаза, заметив парализованного пирата.

– Ох, что-то я слишком расщедрилась на этого говорливого раба. Как же теперь вернуть все на свои места? – После задумчивой паузы, пока ее подруга усаживалась в седло, она смиловилась и сказала: – Вообще-то это заклинание не страшно, через пару часов и так пройдет.

Представитель пиратов чуть на колени не рухнул, всеми мыслимыми жестами показывая, что ему ведь торги вести.

– Ладно, хотя тратить свою магическую силу понапрасну не люблю.

В следующий момент Уракбай почувствовал, что может говорить, и пока пират растирал гортань, сглатывая слюну, быстро вывалил очередной короб сведений о себе:

– Дело в том, что мы с товарищем живые свидетели гибели не только первого Титана, но и Второго Детища Древних. На наших глазах произошло первое сражение, когда мы получили страшные ранения и ожоги, и на наших глазах огненные шары с неба поразили, а затем и развалили надвое второго железного монстра. Только в тот момент нам повезло больше, мы уже находились среди ходячих выздоравливающих и смогли наблюдать за переломным моментом нашей истории как зрители первого ряда. Именно поэтому нас и привечали в каждом населенном пункте Кремниевой Орды.

– Хм! Ортензия, может, и в самом деле купить такого очевидца?

– И не сомневайся! – подтвердила подруга выбор герцогини. – Он тебя хоть немного утешит.

Но Вилейма обратила внимание на стоящего рядом Зарината:

– Это и есть твой друг?

– Да.

– Почему он так странно смотрит и молчит?

– Увы, ваше сиятельство, во время нашего последнего побега от пиратов он вышвырнул за борт десятерых, но и сам был оглушен коварным ударом сзади. Вот только недавно встал на ноги. Но он крепкий, очень крепкий.

– Ха! Только ущербного раба мне не хватало. Хотя ты сказал, что он силач?

– Несомненно! – с дурманившим собственными мозги восторгом продолжал нахваливать «товар» Дельфин. – Может, сейчас он и ослаб после травмы, но его руки запросто гнут подкову похаса.

– Ну, это ты загнул, парень! – под хохот остальных выкрикнул один из самых суровых мужчин охраны прелестных всадниц.

– Нисколько, господин! Дайте только подкову!

Тут же по площади пошел клич, и желаемый предмет вскоре оказался в руках у Уракбая. Он некоторое время поспрашивал своего приболевшего после травмы друга, и тот согласился исполнить свой коронный номер. Ухватился, переставил удобно пальцы, поднатужился и согнул подкову своим обычным мастерским усилием. Да так и не услышав восхищенного гомона собравшейся толпы, рухнул на дощатый настил: перенапряжение после недавней травмы сыграло весьма негативную роль. О чем и бросился во всеуслышание напоминать обеспокоенный Дельфин:

– Он ведь всю ночь провалялся без сознания! Бедный! Вот и сейчас перенапрягся!

– Однако! – герцогиня покрутила своим очаровательным носиком. – Да он силен как бык! Будет у меня бороться с кабанами на малой арене! Беру обоих!

До этого молчаливо взиравший на всю сцену представитель пиратов с вождением потер руками:

– Тогда сразу и поторгуемся, ваше сиятельство!

Понятно, что такие вдруг ставшие знаменитыми и сильными рабы могут стоять как минимум в три раза дороже. Да только прелестная Вилейма и не думала торговаться. С невероятным апломбом она повернулась к юнцу из свиты и усиленным магией голосом процедила:

– Заплати четыре золотых! Именно такую цену мне называли совсем недавно за любого раба с этой стороны. Хоть я и мечтала купить нежных малолеток, но и эти два воина пригодятся на моей псарне. В повозку их!

Больше она не сказала ни слова. Подстегнула скакуна и бок о бок с более молодой графией Ортензией тронулась к выходу с рынка. Опечаленному потерей желаемой прибыли пирату ничего не оставалось, как получить деньги. Ведь действительно, неосторожный офицер перед этим проговорился гостям о цене каждого пленника с этой стороны помоста. А подобные промахи среди работоторговцев не прощались, назвал цену – поднимать можешь только на аукционе. Вот только для аукциона надо весь «живой товар» иметь отличного качества, да и предупредить потенциальных покупателей чуть ли не за неделю.

Тогда как воины свиты вскоре подогнали к помосту крытую повозку и помогли мечущемуся и нервничающему Уракбаю погрузить тело бесчувственного товарища.

Вроде и старались делать это осторожно, но Заринат несильно ударился затылком о выступающий каркас борта. Услышав его стон, опекун сразу склонился над приятелем и участливо стал вопрошать:

– Заринат, тебе больно? Ты меня слышишь? Заринат?

Вместо искомого сослуживца в теле опять на короткое время проснулось сознание истинного владельца:

«Что они меня все время роняют?! Нельзя же так! Так и от боли загнусь – не поморщусь. И что это за надоевший уже голос? Сдался ему какой-то Заринат... Как бы ему сказать, чтобы он отстал от меня? Но все-таки голос – явно знакомый... Неужели это Бинай Меченый? Тот ведь тоже был ордынцем. Да нет, Бинай погиб на Гиблых Топях... кажется, совсем недавно. А я? Как же я выбрался из этих проклятых Топей? Или я еще в них? А меня спасают Избавляющий вместе с Сонным? Странно, ничего не помню! Да и голоса слышатся явно не их...»

Как раз в это время лидер охраны заорал громким голосом вовремя не разошедшейся толпе:

– Посторонись! Дорогу свите ее сиятельства, герцогине Вилейме!!!

Руки Уракбая почувствовали, как тело сослуживца вздрогнуло и вновь провалилось в блаженный омут беспамятства. И только потом бывший вор и мошенник печально повесил голову на грудь:

«Куда меня вновь доля потянула? Неужели и в самом деле ждать смерти на псарне или на клыках разъяренного кабана? Да еще и этого несчастного за собой поволок... Эх! Вот уж не повезло, так не повезло! Сейчас бы спокойно себе добрались пешочком до Эмрана и грелись в лучах славы и Занваля на центральной площади. А все почему? М-да... жадность и тщеславие меня сгубили...»

Глава девятая

Ищейки

Входящие в специальный отряд надзирателей воли Фаррати Алехандро Шиловски и Бабу Смильги выглядели, пожалуй, самыми недовольными. Все им казалось, что они опаздывают и дают невидимым конкурентам обогнать себя на самых неожиданных участках. Хотя все остальные члены отряда относились к все успевающей и несущейся где-то впереди них Галиреме с потворствующей благожелательностью и восхищением. Особенно радовался любой весточке о царственной колдунье огов лидер боларов, теперь уже всемирно известный Спин:

– Если она здесь была – значит, мы на верном пути. С ее умением выпытать все, что надо, быстрее, чем под Сонным Покрывалом, она для нас – самый верный и правильный маяк.

Разве что Цашун Ларго, знаменитый дракон, исследователь и воин Альтурских гор, вполне справедливо возмущался:

– Она не права, начав вести собственные поиски. Мне кажется, что действовать сообща было бы в итоге намного продуктивнее.

Ему рассудительно возражал единственный в отряде таги, тоже в прошлом близкий товарищ разыскиваемого колдуна, Татил Астек:

– Вполне возможно, что наш внушительный, пусть даже и мобильный отряд Галирему только задержит в ее продвижении. В данном случае ей даже советовать ни с кем не приходится: узнала, приняла решение и понеслась дальше. И посмотрите, даже мы все, проделав путь вдоль русла Базлы по воздуху, прибыли в Экан на два дня позже. И только руководствуясь следами ее присутствия, нашли место продажи фелюги и сейчас примерно знаем, где разыскивать того самого матроса Крюка. Что бы мы делали в ином случае? Да в этом огромном портовом городе и местные путаются, а уж нам...

Действительно, отряд достиг устья Базлы утром, а уже к обеду отыскивали и посредника, и покупателей фелюги, на которой сплавлялись по реке сослуживцы. И в данный момент решали один только вопрос: каким путем Уракбай отправился в свой родной город Экан, сухопутным или морским? Само собой, что уже через час в Экан собрались вылетать девять боларов с двумя доверенными дознавателями Фаррати и пара драконов. Следовало как можно быстрее уже на месте разыскать демобилизованных воинов. Но пока ждали Карага, который еще с одной пятеркой боларов и одним местным дознавателем полетели за Крюком. Хотелось уточнить некоторые подробности, да и вообще услышать от очевидца конкретные детали поведения лишенного разума и обезображенного ожогами ордынца под именем Заринат.

В данный момент весь отряд усиленно и торопливо обедал в одном из портовых кабаков открытого типа. Переговаривались, спорили и ждали доставки матроса, который помогал Уракбаю управляться с фелюгой.

Командирские функции в сборном отряде никто на себя не возлагал, хотя формально и считались командирами два самых известных дознавателя Куринагола, лично назначенные на это расследование правителем Орды. Естественно, в отряд просто-таки рвалась влиться и супруга Фаррати, но Мирту Миротворную удалось общими усилиями уговорить остаться в столице. Ни политические, ни внутриэкономические реалии не позволяли первой даме государства непосредственно участвовать в таком глобальном розыске.

Поэтому на роль самого титулованного представителя сразу выдвигался брат Мирты, Алехандро Шиловски. И вполне естественно, что без сопровождения друга и телохранителя Бабу Смильги он и не думал отправляться в путь.

Присутствовали в отряде, помимо двух дознавателей, и три знатных и титулованных воина, которым Фаррати доверял больше всего.

Дракон Цашун Ларго возглавлял приданное ему боевое звено «Молний», из четырех гвардейцев элитного королевского эскадрона. Эти летающие бестии одним только видом вызывали если не откровенный страх, то уж почтение и осторожность – точно.

Ну и самой большой мощью особого отряда являлись болары. Неразлучные друзья Спин и Караг командовали тридцатью своими вооруженными собратьями. Причем если двадцать летающих растений были просто нормально вооружены и переносили своими корнями как семерых людей, так и одного таги, то две боевые «пятерки» выглядели явно перегруженными. И по утверждениям их лидеров, когда Алехандро как-то поинтересовался, могли смело атаковать хорошо защищенную крепость. Оставалось только предполагать, сколько литанр разместили в своих корпусах боевые «пятерки» и сколько пластин с зарядами у них имелось в запасе, раз они в воздухе летали с этакой изящной медлительностью и неповоротливостью.

Искомго человека доставили как раз к концу трапезы. Причем мужчина выглядел до смерти перепуганным и невероятно нервным. Глаз дергался от тика, а лицо белизной напоминало лист бумаги. Поэтому Татил Астек первым делом стал эманировать на матроса волну успокоения и только чуть позже приступил к вопросам:

– Чего это вы так волнуетесь? Мы не сделаем вам ничего плохого. Обещаем! Нам только и надо, что задать несколько вопросов.

К тому времени мужчина немного пришел в себя, рассмотрел впервые увиденного маленького таги и только потом заговорил:

– Да я не против ваших вопросов. Просто меня сегодня с самого утра уже два раза пытались убить.

Вот тут уже к допросу присоединились официальные представители Орды:

– Как, где и когда это произошло?

Крюк прислушался к своим ощущениям, протяжно вздохнул и приступил к рассказу:

– Сегодня утречком я собрался на овощной рынок и вышел из той комнаты, которую снимаю, очень рано. И при подходе к калитке меня спасла настоящая случайность: я резко нагнулся и понюхал великолепную розу в нашем палисаднике. Возле моей головы что-то прошелестело, и сразу раздался довольно специфический звук. Показалось, что кто-то камень бросил. Ну я, конечно, заозирался во все стороны и на соседнем здании увидел смутно мелькнувшую за трубу тень. Вначале мне показалось, что это просто из детей кто-то хулиганит, но потом присмотрелся по сторонам и обнаружил в опорном столбе калитки торчащий арбалетный болт. Прикинул траекторию выстрела: точно совпала с той самой подозрительной трубой и моей головой, если бы я не наклонился. Так что...

Он замолк, а дознаватель поспешил уточнить:

– Но ты в последнее время никому из местных бандитов ничем не насолил?

– Да вы что! – искренне возмутился матрос. – Только и посещаю своих разысканных недавно родственников да хожу подрабатывать туда, куда они меня на время пристроили.

– И ничего странного не произошло за последние дни?

– Как же, позавчера вечером меня какая-то важная птица допрашивала. Вроде как Галирмой из Царства Огов представлялась.

– Ну, об этой даме мы знаем, – вставил свою реплику Алехандро Шиловски. – Но она не занимается устранением свидетелей.

– Ага, – от возмущения матрос осмелел, – а кто тогда меня на самом рынке ножом пытался резать?

– Ну-ка, подробнее! – потребовал Цашун Ларго. – И ничего не бойся!

– Ладно, болт меня напугал, – признался Крюк, косясь на близко склонившегося дракона, – но не настолько, чтобы вообще из дому не выходить. Походил я по округе, пожаловался участковому дознавателю, да и подался на рынок. Но вот осторожность не терял, старался быть все время начеку. И точно, вскоре заметил, как ко мне один тип приближается крадучись. Ну,

я в последний момент и отпрыгнул. Успел: кривой нож мелькнул совсем рядом с моими ребрами. Я его ногой пнул и сразу закричал: «У него нож!» Да этот тип не стал на месте задерживаться, сразу рванул на четвереньках в толпу и был таков. Зато меня уже припекло по-настоящему. Вернулся домой, только заперся как следует, да тут за мной ваши болары прилетели. Чего я только не передумал в пути... А вы говорите, не бойся!

Контингент особого отряда многозначительно переглянулся.

– Вот и первые палки нам в колеса, – недовольно пожал своими плечиками таги.

– И с чего бы это?

– Если мы применим свои корни, – угрожающе закрипел Караг, – то они быстро потеряют и свои палки, и свои ноги вместе с головами.

– Ладно, чуть позже мы этим займемся и все как надо расследуем, – пообещал Алехандро. – Но вот скажи нам вначале самое главное: куда и каким способом отправился Уракбай со своим подопечным?

– Они намеревались в тот же день сесть на корабль и отправиться в Эмран. Уж больно молодому воину не терпелось домой попасть.

– А пожилому? – вырвался вопрос у Бабу Смильги.

– Да пожилому все равно было. Он ведь как дите малое, ничего не соображает.

– Хорошо! – Алехандро Шиловски, которому совсем недавно король Энормии присвоил титул графа, обратился к Спино и дознавателям-ордынцам: – Тогда немедленно отправляем группу в Эмран! Ищите там этого Уракбая на месте. Если и тут нас Галирема опередит, стыдно будет. Есть шанс ее наконец-то обогнать. Ну и мы вылетим вслед за вами через пару часов.

Через короткое время с открытой террасы портового кабака взмыли в небо девять боларов. Четверо держали своими корнями люльки с дознавателями, а «пятерка» боевых летающих растений являла собой мощь летающих крепостей. Их сопровождали на более высоком небесном уровне два дракона из «Молний».

Тогда как допрос недавнего матроса фелюги продолжился. Сразу несколько видов разумных, которые с уверенностью считали себя друзьями Кремона Невменяемого, хотели получить еще несколько пунктов в копилку подтверждения того, что славный герой все-таки не погиб.

Сонное Покрывало для дознания не использовали, потому что ни у кого не зародилось ни единого сомнения в искренности Крюка и его желании рассказать искренне все подробности. Когда он понял самую основную суть всего поиска, то с таким усердием стал перечислять подмеченные странности и отличия, что даже сам удивился:

– Признаться, как-то вначале на все эти мелочи внимания не обращал, но сейчас так и стоят перед глазами.

Припомнил он очень много. Со слов Уракбая – сценку с пролетом над безымянным поселком драконов и последующее предположение бывшего десятника, что и он так умел летать. Потом, про никому из окрестных жителей не известную драку на швартовке у пристани малого городка. Видимо, тамошние ордынцы так и не хватились четырех бандитов, посчитав их просто утонувшими в реке.

Много описаний матрос сделал о тех тренировках, которые проводил терпеливый опекун со своим подопечным во время плавания, и как впоследствии парочка сослуживцев неплохо заработала на силовом аттракционе по разгибанию подков.

Упомянул о желании опекуна воспитать из своего сослуживца отличного телохранителя. Живо и дотошно описал, как проводились заплывы по реке и парные ныряния на время. Не забыл акцентировать внимание заинтересованных слушателей, что Уракбай очень бережно относился к бывшему десятнику и ни разу даже единственным словом не выразил чего-то типа презрения или брезгливости к уродливо выглядевшему приятелю.

Напоследок поведал, как они прощались с ним при расставании, что говорили и что собирались сделать.

При этом маленький таги обратил внимание на один нюанс:

– Ты вот говоришь, что корабль на Эмран они могли в тот день уже и не найти? Значит, они имели шанс переночевать в порту?

– Очень может быть. Уракбай еще пошутил, что один день, чтобы выспаться в роскоши, они себе могут позволить.

Представители отряда после этого интенсивно между собой посовещались и решили отложить свой вылет в Эмран до того момента, пока не проверят все портовые гостиницы и постоянные дворы. А чтобы Крюк не попал в новые неприятности и попутно оказал более действенную помощь, взяли матроса на временное довольствие. Мужчина согласился с огромной радостью.

Назначенный Фаррати старший дознаватель оперативно задействовал для помощи все городские службы сыска, и уже через час стали выпытывать подробности ночлега у хозяина постоянного двора. Тот постояльцев помнил слишком хорошо не только по причине того, что они выделялись одеждой определенного достатка или легко заметными ожогами на лице. Ко всему прочему хозяин рассказал о вечерней тренировке.

– Они мне чуть конюшню не развалили, – жаловался он нависающему над ним дракону Цашуну. – А когда я заглянул в окошко, то увидел, как более здоровый и пожилой мужчина в ключья разрывает сделанные из соломы и тряпок чучела. То еще зрелище, я вам скажу! А тот молодой им командовал, словно дрессированным шейтаром.

– Бил? Кричал? – сдвинул брови Бабу Смилиги.

– Да нет, просто командовал, а потом успокаивал поглаживанием рук по плечам. Ну, я дальше подсматривать побоялся, мало ли что...

– И как они от вас ушли? – таги от нетерпения чуть на стол не влез со стула, на котором он топтался ногами. – Ранним утром?

– Да нет, выпались до отвала, потом плотно позавтракали и только тогда убыли. Сказав, что их корабль вчера не отплыл по каким-то причинам и сегодня место на нем уже все равно забронировано. Так что спешить некуда.

Тогда как висящий в створе окна Спин проскрипел:

– Хозяин, а тебе подобные вопросы никто больше не задавал про этих постояльцев?

– Да нет. А кто должен был?

– Одна великая колдунья со своей свитой. А?

– Нет. Даже не видывал такую!

– Ну вот, – забулькал смехом лидер боларов. – Хотя в чем-то знаменитую Галирему обошли.

– А что это нам даст? – удивился Алехандро.

– Ха! По крайней мере если не найдем этот корабль, то узнаем о нем все подробности. Советую приступить немедленно.

Ближе к вечеру и эти все детали специальному отряду стали известны. Корабль крупного водоизмещения назывался «Две радуги» и совершал регулярные рейсы между Эканом и Эмраном, прихватывая попутно до пары десятков пассажиров. В искомый день капитан отменил рейс из-за не доставки важного груза и возвратил авансы возмущенным пассажирам. Те подались на соседний корабль и успели выйти в море даже раньше намеченного времени. Вот сколько было пассажиров у «Двух радуг» на следующий день, сказать никто не мог, так как подобные операции регистрировались только в судовом журнале.

После этого устроили краткое, но интенсивное совещание, на котором решили, невзирая на некоторую усталость, все-таки вылететь в Эмран немедленно. Хотя болары и ощущали определенную усталость, но к раннему утру обещали доставить людей в родной город Уракбая и уже потом спокойно подремать на месте. А выспавшиеся за время полета люди продолжают розыски или сразу подключаются к вылетевшей ранее группе.

Все люди и таги согласились и, только оказавшись в воздухе, сразу предались дреме. Потому как были уже к такому привычны. Зато новый, временный член команды так и не сомкнул глаз во время полета. Матрос Крюк впервые в своей жизни не только оказался в воздушном океане, но и вообще прикоснулся к корням боларов. Зато он с восторгом потом рассказывал, как замечал на поверхности моря огромные силуэты кораблей и светящиеся порой на шканцах светильники-трего.

Глава десятая

Обоснованные беспокойства

Наверху, на переполненных трибунах громадного амфитеатра для гладиаторских сражений еще не успокоились страсти истинных болельщиков, а несколько десятков людей уже торопилось по подземным переходам, опускаясь под само основание Долины Развлечений. Титулы и имена они имели совершенно разные, но вместе их единило одно определение: их всех знающие люди называли никак иначе, чем Хозяевами Долины. Именно эти люди коллективно решали, как и когда провести показательные турниры, назначали цену представлений, билетов, закупали рабов, нанимали охрану и вообще полностью контролировали политику не только всей своей вотчины среди диких и неприступных гор, но и практически пытались управлять всей Менсалонией.

В этот вечер они все выглядели недовольными. Вместо спокойного и неспешного пира, следующего за сегодняшним представлением, опять придется вникать в досадные проблемы, трудности или разбирательство жалоб друг на друга. Но закон есть закон, раз председательствующий Хозяин срочно созывает своих коллег, то дело того стоит и только тяжело больные могли валяться на своих кроватях. Да и то, в таком случае их все равно пытались доставить в паланкинах. Благо широкие подземные переходы позволяли это сделать без труда.

Порой на подобные совещания приглашались на определенное время доверенные лица Хозяев, крутящиеся в свите короля вельможи, порой некоторые представители Поднебесного Сада, порой самые доверенные купцы и торговцы «живым товаром». Сегодня как раз оказался тот самый случай: присутствовало сразу три купца из семейства Пиусов, которые на сегодняшний день так ничего и не смогли узнать о своем брате, пропавшем совсем недавно где-то возле Игольчатых гор.

Большинство Хозяев были в курсе ведущихся погонь, расследований и недомолвок, поэтому рассаживались за огромным круглым столом с тягостным предчувствием длительного и неприятного разговора. Действительно, как только все уселись и поздоровались друг с другом, председатель, который выбирался лишь по большинству прожитых лет, сухо прокашлялся и начал:

– Сожалею, что приходится это оглашать, но мы имеем очень огромные трения с нашими старыми и годами проверенными компаньонами. Дело в том, что семья Пиусов заподозрила... – старик поднял вверх свой указательный палец: – я повторяю и акцентирую: «заподозрила» некоторые наши структуры в самоволии и попытке нажиться за их счет. Дело довольно серьезное, и я попрошу всех отнестись к этому вдумчиво, уравновешенно и внимательно. Потому что доводы братьев вполне могут иметь под собой реальную основу. Сейчас и так нелегкие времена, и любой предатель, затесавшийся в наши ряды, должен быть обнаружен немедленно. Иначе наши и так очень сократившиеся прибыли вообще заставят вскоре прикрыть Долину как нерентабельную.

– Ой, только не надо, не надо так все утрировать, – жеманно произнес самый огромный и толстый Хозяин, которого за глаза все называли Жирком. Но вот настоящее имя он имел хоть редкое, но страшное: Змей. Да и по характеру не слишком отличался от имени собственного. И вот теперь этот Змей кривил губы в самодовольном пренебрежении: – Пятнадаципроцентный спад бывал и в другие годы, так что не надо паниковать прежде времени. Ко всему прочему, эта дурацкая война, захват ордынцами сотен наших кораблей, приостановка потока рабов с другого континента... Ха! Да только это может развалить экономику любой страны. А мы пока еще крепко стоим на ногах.

– Вот именно: пока! – забасил своим голосом тот Хозяин, который отвечал за муштру самой младшей группы гладиаторов. Его называли все более уважительно: Воспитатель. – Но ты забываешь, что вскоре у нас совсем не останется Юных Кобр. У нас катастрофическая нехватка молодняка, какой никогда не было за всю историю. Через пару лет у нас не станет Сестер и Братьев Смерти, которые дают нам почти половину основной прибыли. А потом что? Из кого прикажешь творить Несущих Мрак? Зрители на дешевую подставу не поведутся, сразу воинов нижних уровней раскусят. Да и во все времена было доказано: для перехода на третью ступень воинского искусства гладиаторам необходимо полных восемь лет. Разве что уникальные детки могут пройти этот курс на год-полтора раньше. Но вот где взять этих уникальных?

– Ничего, война закончилась, – хохотнул Жирок. – Скоро нас завалят отличным «товаром» с другого континента.

– Вот как раз и этот вопрос сейчас будет освещен! – решительно перебил своих коллег председательствующий старик. Затем повернулся к сидящим отдельно купцам: – Прошу вас.

Средний брат Пиусов подался вперед и грузно облокотился о столешницу:

– По поводу новых рабов с континента огорчу сразу: первая партия детей, доставленных с Кремниевой Орды, была перехвачена позапрошлой ночью при переходе порогов в верховьях Сайги. То есть совсем рядом с Долиной Развлечений. Ко всему прочему, напоминаю: и наш брат Эндрю пропал со своим обозом не так далеко отсюда, хоть и с другой стороны. Что после здравого и тщательного размышления наталкивает на одну очевидную мысль: злоумышленники базируются где-то совсем рядом. И скорее всего, имеют сообщников в самой Долине. Потому что сроки движения и точный маршрут караванов могли знать только здесь.

– Зачем же так, – заметил кто-то из собравшихся за столом. – Достаточно разбойникам заиметь своего человека в окружении караванщиков, и дело сделано.

– Наш Эндрю ни с кем никогда не делился своими планами, – пробурчал насупившийся старший брат семейства Пиусов. – А между собой мы общались голубиной почтой.

– Ваши письма могли подсмотреть отделенным сознанием.

– Всегда подобные послания вскрывались только в защитном контуре!

– Но почему бы вам не поискать все-таки предателей в ваших рядах?

– Уже ищем! – Средний Пиус опять перехватил слово, успокоительно остановив старшего брата от вспылчивого выражения: – И поверьте, мы его обязательно выведем на чистую воду. Но, с другой стороны, хочется и вашего содействия в решении такого важного для всех вопроса.

– Чего вы хотите конкретно? – спросил Воспитатель.

– Вы ведь в курсе всего: и как идет расследование, и как ни вы, ни мы ничего не можем найти...

– Увы! Это так...

– И хуже всего: никто похищенных детей не выставляет на перепродажу! – Казалось, от этого факта купцов чуть удар не хватит. Да и Хозяева сокрушительно закивали головами. – А что это значит? Отбросим на минуту глупые помыслы об альтруизме и попытках неких борцов за равноправие освободить будущих гладиаторов от их славной стези. Потому что мы знаем, что таких сил и подобных людей в Менсалонии не существует. Что тогда остается? Только то, что дети уже давно начали обучение в казармах Долины или подобного сооружения.

– Ну, это уже откровенная наглость, заявлять такое! – вскочил на ноги Воспитатель. – Когда я только что плакался о некомплекте в младших группах!

Все три брата Пиусы тоже встали, и самый молодой, ведающий довольно многочисленными воинскими подразделениями по всему королевству, многозначительно прорычал:

– Ну, плакаться-то мы все умеем.

Тон у Воспитателя стал совсем другим – хищным и коварным:

– Что ты имеешь в виду?

Громко вмешался в напряженную обстановку председательствующий:

– Перед вашим приходом Пиюсы высказали свое предложение, и мне кажется, оно нас не обидит. Зато все недоговоренности и сомнения будут устранены одним махом.

– Ну, так сразу с него и начинать надо было, – скривился Жирок.

Все взгляды сошлись на старике во главе стола:

– Купцы предлагают совместно осмотреть все казармы. Если там обнаружится новое пополнение, оно сразу будет заметно, и их подозрения получают новый повод для разбирательств. Если же нет...

Воспитатель невежливо перебил:

– Всех-то делов? Тогда отправляемся в казармы или куда угодно – немедленно!

Некоторое время ушло на составление сразу трех параллельных маршрутов, и вскоре три группы Хозяев, каждую из которых уверенно возглавлял один из Пиюсов, отправились по казармам. Купцы знали здесь каждое помещение, каждый коридор и чуть ли не половину тайных комнат, поэтому действительно могли при подобном разрешении отыскать что угодно. Само собой, что вопрос не шел о нескольких новых воспитанниках, даже десяток-два в данный момент роли не играли. Частенько гости привозили в собственных свитах нескольких юных пажей-сирот, которых без зазрения совести продавали главному закупщику гладиаторов. Но за последние несколько недель было похищено и отбито разбойниками более тысячи детей, и если Хозяева действительно замешаны в этом деле, то скрыть такое огромное количество новичков даже на пространствах такой внушительной Долины – нереально.

И действительно, чем меньше оставалось казарм для осмотра, тем все больше и больше становились пасмурными лица каждого из троих братьев. А когда все вернулись в общий зал, старший из Пиюсов встал и взял слово:

– Господа, от нас всех приношу самые искренние извинения за такую вынужденную проверку. Возникшие подозрения следовало развеять немедленно. Но теперь, когда мы убедились в вашей непричастности, возникает вполне справедливый вопрос: кто виноват? Ни вы, ни мы не поверим, что действуют разрозненные и совершенно между собой не связанные группы разбойников. Иначе многие из них уже давно попали бы в наши руки. Да и конкурентов у Долины Развлечений пока не появилось нигде в мире. Следовательно, надо делать неприятный для нас вывод! – Купец сделал паузу и обвел всех присутствующих колючим взглядом: – У нас появился очень опасный, совершенно неизвестный, непредсказуемый враг. И теперь мы должны забыть все наши антипатии или внутренние размолвки и объединиться для уничтожения этого врага.

Когда он сел, председатель немного пошамкал своими сухими губами и спросил:

– Какие будут предложения? Надеюсь, вы все прониклись нашей общей бедой?

Вполне естественно, что мнений и предложений посыпалось, как из ведра. Спорили очень долго и настойчиво. И только под конец собрания Воспитатель в своей речи выделил самое главное направление розыскной деятельности:

– Конечно, мы все понимаем, насколько это чревато неприятными последствиями, но придется снять более половины Эль-Митоланов с охраны Несущих Мрак, почти всех – с Сестер и Братьев Смерти и бросить их на просмотр всех прилегающих к Долине территорий. Помимо этого, придется раскошелиться и на наем дополнительных колдунов, собирая и вербуя их где только придется. Тут, я надеюсь, постараются братья Пиюсы, которые и своих Эль-Митоланов обещали бросить на решение стоящей перед нами проблемы.

– Конечно, – поддакнул один из купцов. – Помимо этого, давно ушло сообщение нашим вербовщикам в Баронствах. Как они обещали, вскоре оттуда прибудет отряд вольных искателей магических приключений.

– Со своей стороны, мы постараемся раздуть истерию паники среди обывателей, знати и Садовников и подтолкнуть короля к определенным действиям. Если он и своих колдунов нам

делегирует в помощь, то, думаю, никакой разбойник не спрячется от нас ни в подземельях, ни под пологом непроникновения.

– Значит, решено! – немощная ладошка председателя похлопала по столешнице. – К делу, господа! Пировать будем после успешной поимки разбойников!

Глава одиннадцатая

Рабские будни

Сразу возвращаться в собственное поместье герцогиня Вилейма не стала. Видимо, устала после ночной скачки, да и дела наверняка имелись в Ассарии. Поэтому она сразу подалась в гости к графине Ортензии. Да и та настолько громко и настойчиво об этом упрасивала, что и мертвый бы не отказался.

Дамы и несколько приближенных герцогини сразу вошли в здание, которое напоминало миниатюрный дворец, тогда как все остальные участники многочисленной свиты вполне привычно и сноровисто разошлись по своим местам работы или дежурства. Благо хозяйственных и вспомогательных построек вокруг основной графской резиденции хватало.

Новокупленные рабы попали в руки одного из воинов Эль-Митоланов, который с какими-то странными вздохами досады провел их в каменный сарай возле конюшни, обвел рукой внутреннее помещение и стал отдавать распоряжения:

– Устраивайтесь, мы тут пробудем пару дней, возможно... Водой и всеми тряпками в том углу можете пользоваться сколько угодно. Пищу вам будут приносить. Вокруг сарая – охранный контур. Вздумаете нарушить – собственноручно ноги поломаю, после того как очнетесь. И повторяю... эй! Смотреть на меня!

Он сделал шаг к безучастно стоящему Заринату, и Уракбай поспешно заслонил своего сослуживца телом:

– Господин, пожалейте! Он ведь без памяти полностью остался после удара, ничего не соображает. Но вы не волнуйтесь, я его выхожу и позабочусь как об отце родном. Все-таки мы почти как родные стали после гибели Титанов.

– М-да... – воин опять досадливо скривился: – Все равно понять не могу: зачем она вас купила? Только обуза лишняя...

– Да что вы! Мы ведь работать будем за четверых. Ведь все видели, какой наш десятник сильный.

– Ладно, раз уж ты за него так распинаешься, то в случае нарушения с его стороны за него и схлопочешь. Я слов на ветер не бросаю. Понял?

– Как не понять! – продолжал лебезить Дельфин. – Мы ведь тоже недавно воинами были, так что дисциплину приветствуем и поддерживаем всемерно. Если бы не ранения...

– Вот и отлично! – воин замолчал и собрался уходить, но уже в дверях обернулся и с явным сомнением добавил: – А если будете себя хорошо вести, то с вас, возможно, даже цепи снимут. Прямо сейчас.

Когда он ушел, Уракбай некоторое время стоял в прострации, только и бормотал тихонько под нос:

– Цепи зачем снимать? Понятно: чтобы работать было удобнее... А еще? О-о-о!.. Как я сразу не догадался: чтобы дикий кабан сразу не порвал раба клыками!

Он заметался по всему сараю, выглядывая наружу как через большое, но зарешеченное окошко, так и сквозь несколько дверных щелей. Причем, как он понял по звукам, грохота засова или закладываемого бруса после ухода строгого воина так и не слышалось. Немало этому подивившись и хорошенько этот факт обдумав, молодой раб решил заняться гигиеническими процедурами. Да и одежду следовало выбрать более пристойную. К сожалению, любой наряд, накинутый поверх цепей, смотрелся бы смехотворно и дико, а вот помыться и освежить лишний раз тело не помешает.

Начать Уракбай решил со своего товарища, но не успел пристроить его возле бочки с водой, как к ним пожаловали гости: кузнец со своим подмастерьем. Не произнеся ни еди-

ного слова, они установили маленькую, переносную наковальню и в течение нескольких минут сбили с рабов все цепи. Вот, правда, рабское кольцо так и оставили на шее, да еще и большой кожаный ярлык на кольцо приклепали. Надпись на ярлыке гласила: «Собственность герцогини Вилеймы».

Сколько не засыпал Дельфин мастеров вопросами, просьбами и шутками, те так ни разу ни рта не открыли, ни улыбнулись. Только хмуро сопели в две дырки, да делали свое дело. Но зато когда они выходили, освобожденный от цепей пленник метнулся к двери следом и удостоверился, что рабов и в самом деле не закрыли. Конечно, вокруг всей территории поместья высился изрядный забор и его охраняли надлежащим образом. Когда въезжали на подворье, демобилизованному воину Орды удалось рассмотреть все довольно тщательно. Да и воин на охранный контур ясно указал. Но зато теперь у ордынца в голове зароились десятки вариантов нового побега. Без сковывающих движение цепей и забор любой высоты – не преграда. Гораздо большей помехой для удачного и внезапного исчезновения считался объект опеки. Бросать сослуживца Уракбай не собирался, как не собирался задумываться и о причинах такого решения.

Начав обмывать бывшего десятника возле бочки и давно привыкнув к нему как молчащему почти всегда собеседнику, молодой опекун тихонечко разговаривал вслух и сам себе давал ответы:

– Что же нам с тобой делать? Город мы знаем? Совсем никакой информации. А какие здесь порядки? Понятия зеленого не имеем. К кому обратиться за помощью? Ни друзей тут у нас, ни союзников. Даже сочувствующих пока не наблюдается. Разве что удастся переговорить с такими же рабами, как и мы. Одна надежда, что за парочку дней пребывания именно здесь хоть что-нибудь прояснится. Потому что если мы доберемся до поместья этой кровожадной герцогини, то нас там быстро на потеху диким кабанам скормят. – Заметив, что подопечный смотрит на него с некоторым осмыслением, спросил: – Или тебе и кабаны не страшны?

И совсем неожиданно получил в ответ встречный вопрос:

– А ты кто?

Подобное уже не раз звучало из уст умственно неполноценного человека, поэтому его опекун, не прерывая банные процедуры, стал терпеливо напоминать:

– Меня зовут Уракбай. Ну, вспомнил? У-рак-бай! Я твой сослуживец и теперь тебя опекаю как старшего брата. Опять все забыл? Посмотри на меня внимательно и повтори: Уракбай.

Вместо повторения последовал второй вопрос:

– А где мы сейчас, Уракбай?

– Как видишь, Заринат, в этом вот сарае. Сейчас помоемся и прилично оденемся.

– И почему ты меня все время называешь Заринатом?

Опекун тяжело вздохнул: опять у его сослуживца очередное помутнение в мозгах:

– Да потому, что ты Заринат, мой бывший сослуживец. Мы служили в одной сотне, только ты был в чине десятника. Итак, запомни хорошенько свое имя...

– А зачем?

– Иначе нам будет очень, очень плохо, – стал терять терпение Дельфин. – Мы в таком месте, где тебе лучше всего меня слушаться с полуслова. Помалкивать, когда намекну, и выполнять все мои установки!

– Установки?.. – После этого слова ветеран ордынской армии вновь впал в коллапс. Хотя, как оказалось, минуты помутнения на самом деле были коротким периодом просветления. Кремон Невменяемый опять вернулся в этот мир на ничтожно малое время:

«Да что за напасть такая! Ничего не могу вспомнить! И вообще, почему это он меня омывает, словно безрукую девственницу? И ведь вон как старается, чтобы ожоги не зацепить... Стоп! Ожоги откуда взялись? Значит, все-таки я пострадал в Гиблых Топях? Скорей всего именно там меня ураганом и прижгло... Ага, и десятником я вроде как раз там служил. Но вот

этого Уракбая в нашей сотне точно не было! Да и вообще в полку наемников. Уж с моей-то памятью на лица я ошибиться не могу. Или могу? Странно, если я о себе ничего не помню, все словно в тумане шевелится вокруг, то почему бы мне и лицо этого парня не перепутать? Нет! Теперь точно уверен: не было среди наемников такого молодого воина. Разве что он Эль-Митолан и себе внешность настолько изменил. Так, а я кто? Я ведь тоже колдун. Так почему себя не лечу? Надо бы глянуть, что со мной... Ага, он сказал про «Установки»? Но откуда он знает государственную тайну о Трактате? Неужели провокатор?! Точно! Меня скорей всего отыскивали огиане и теперь подсадили ко мне в сарай человека, очень похожего по происхождению на Биная Кузласа, по прозвищу Меченый. А зачем? Все равно ведь ничего не добьются! Хотя скорей всего и пробовали меня допрашивать под воздействием Сонного Покрывала, да прокололись. Вот и решили древний проверенный метод использовать. Надо будет теперь возле этого Уракбая держать ухо востро и следить за каждым своим словом. И если он меня хочет называть Заринатом – зачем возражать? Мне ведь не трудно откликнуться и на это имя...»

Он уловил суть последнего подтверждения:

– Да, да! Все мои установки!

– Хорошо, Уракбай, как скажешь...

И вновь в глазах подопечного плескалось море непонимания и равнодушия. А сознание Кремона Невменяемого провалилось в омут беспамятства.

Но зато в таком виде сослуживец нравился Дельфину гораздо больше. И вопросов не задает глупых и просьбы выполняет без всякого промедления или лишней задумчивости. На мытье и одевание много времени не ушло, и, чтобы хоть как-то сбросить неожиданно нахлынувшее на него после мыслей о победе возбуждение, Уракбай решил немного прибраться в сарае. Благо на этом поприще в весьма просторном помещении было где развернуться. Опекаемый сослуживец ему помогал по мере подсказок, и вскоре вокруг них воцарились заметный порядок и чистота.

И это не осталось незамеченным. В обеденное время в сарай прибыла парочка. Но теперь, похоже, тот же воин, что их сюда привел, сопровождал персону более высокого ранга, скорей всего приближенную к хозяйке. Поджарая женщина лет пятидесяти, с властными замашками домоправительницы, принесла с собой внушительную корзину со снедью, поставила ее на столе и черными, пронзительными глазами обвела вокруг себя взглядом:

– Это ты их заставил прибраться?

– Да нет, – озирающийся колдун пожал плечами. – И слова не говорил.

Когда оба сосредоточили внимание на нем, Уракбай постарался придать своему голосу солидности:

– Вы не переживайте, мы люди работающие и работы не боимся. И в способностях моего товарища хорошо трудиться – не сомневайтесь.

– Да куда вы денетесь? – пробормотала женщина. Но потом подумала и все-таки решила поговорить: – Меня зовут Бернадетта, но чаще всего ко мне обращаются «госпожа экономка». И советую меня не сердить

– Как можно сердить такую замечательную женщину! – воскликнул Дельфин, одновременно давась слюной и пытаясь ее незаметно сглотнуть. Слишком уже шикарные запахи донеслись к нему из корзины. – Моего друга зовут Заринат, а меня Уракбай. Всегда к вашим услугам, госпожа экономка!

Бернадетта подошла ближе к сослуживицам и осмотрела их одеяния более тщательно:

– Да... а лучше ничего не нашлось?

– Мы и за это вам очень благодарны. Ведь пираты выловили нас в море в одних исподних, а перед продажей только и дали, что несколько тряпок да накидок.

– Нет, это – не дело! – решительно заявила женщина. – Вечером герцогиня намерена вас выслушать, не появляться же вам перед ней в таком виде! Я поищу что-нибудь поприличнее и передам сюда. Постарайтесь только не вывалить в пыли раньше времени.

– Как можно! – теперь Уракбай точно смотрел на Бернадетту, словно на родную мать. Похоже, это ее тронуло, в голосе почувствовалось соболезнование:

– Как же вас угораздило к пиратам попасть?

– До того мы сели пассажирами на корабль контрабандистов, совершенно этого не подозревая. Ну а те нас заподозрили в шпионаже. В результате мы на середине пути между Эканом и Эмраном оказались в воде. Как до утра продержались – до сих пор поверить не могу. А потом и попали прямо на курс пиратскому баркасу. В беспамятном состоянии перегрузили на большой корабль и прямо сюда, в Менсалолию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.